

АЛЛА ХОЛОД

Персональный ДЕМОН

ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления

Алла Холод

Персональный демон

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Персональный демон / А. Холод — «Эксмо»,
2018 — (Психология преступления)

ISBN 978-5-04-090396-2

Ирина ненавидела беспечную красавицу Лизу – весь мир был у ее ног! Море денег, поездки на лучшие курорты, любящий муж. А как же иначе, если супругом Лизы стал тот самый Вадим Краснов, который ради нее бросил беременную Ирину! Она могла бы ненавидеть всю жизнь, но Вадима убили. Кто? Ирина и ее муж оказались первыми подозреваемыми, ведь на безутешной Ирине женился Андрей, родной брат Краснова. Какие чувства он испытывал к Вадиму? Прошло много лет, но Андрей не мог забыть, как буквально вытаскивал с того света любимую девушку, едва не погибшую после неудачного аборта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090396-2

© Холод А., 2018
© Эксмо, 2018

Алла Холод

Персональный демон

© Холод А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

2010 год

Борис Анатольевич Краснов задремал перед телевизором, что случалось с ним крайне редко. Его разбудил пронзительный телефонный звонок. Профессор проснулся, встал, размял затекшие части тела, но после нескольких услышанных им слов его покачнуло, ноги внезапно стали ватными.

Привалившись к спинке дивана, чтобы не упасть, он заставил себя прилечь и закрыть глаза. «Господи, может, это просто сон?» – с надеждой подумал профессор.

Он ведь спал, когда прозвучал этот проклятый звонок, может, он и сейчас продолжает спать? Разве не бывает такого, что старики путают сон с явью? Может, это как раз то самое – один из неумолимых признаков старости?

Раньше чем через полчаса, понимал Борис Анатольевич, Лизе до него не добраться. Как прожить эти полчаса? Мозг, такой трезвый и организованный, просто идеально отлаженный за всю профессиональную жизнь механизм, сейчас наотрез отказывался воспринимать информацию. Такого просто не может быть! Разве это справедливо, чтобы родители переживали своих детей? Борис Анатольевич уже пережил любимую и единственную жену Нину, но они-то с ней все-таки были ровесники... Но разве правильно, чтобы отец, всю жизнь вдохнувший в любимого сына, хоронил своего ребенка? И пусть этому ребенку уже сорок лет – какая разница?

Вот он, Борис Анатольевич Краснов, доктор юридических наук, профессор, вдовец, лежит на бежевом кожаном диване, купленном сыном Вадимом во время последнего благоустройства квартиры отца, и по его щекам текут слезы. Они затекают в рот, он чувствует их соленый вкус. А рыданий почему-то нет. И тело не сотрясается в судорогах, которые сопровождают настоящее горе. Потому что поверить во все это Борис Анатольевич просто не может. Он лежит и смотрит на часы: если через полчаса не раздастся звонок в дверь и не придет Лиза, жена Вадима, значит, это все-таки сон. Страшный сон, к которым, наверное, нужно привыкать старикам, ожидающим смерти...

Их с Ниночкой первенец, Андрюша, родился не вовремя, они были еще слишком молоды, по-юношески глупы, их переполняла любовь и жажда свободной жизни, у них были идеи, друзья, и вместе с ними они захлеб мечтали стать успешными и знаменитыми. По своей неопытности молодые родители восприняли ребенка как живого пупса, который все время плачет, писает, какает и хочет есть. Андрюша не давал спать, не давал свободно жить, встречаться с друзьями, затормозил Ниночкину карьеру. Да и рос он какой-то странный: ленивый, замкнутый, если не сказать угрюмый. Казалось, что мальчик не нуждался ни в любви, ни в ласке. Хотя ни того, ни другого – справедливости ради сказать – ему никто и не предлагал. Молодые счастливые родители вели свою жизнь, Андрюшу подкидывали бабушкам.

Второго ребенка они очень ждали, ждали осознанно, по-взрослому.

Еще до рождения Вадика Борис Анатольевич знал – этот ребенок будет особенным. Этому ребенку он посвятит свою жизнь.

Вадик получился совсем не такой, как Андрюша. В детстве, если он и гонял во дворе с мальчишками, то сам, без зова родителей, возвращался домой, потому что у него все было по графику: когда гулять, когда читать, когда делать уроки. И никто этих графиков ему не навязывал. В двенадцать лет Вадик уже прилично говорил по-английски, к пятнадцати активно читал юридические книги из библиотеки отца.

Андрей, выросший в семье юристов, после школы безропотно поступил на юридический факультет, учился вроде с интересом, но по оценкам средне, да и в итоге отчебучил: пошел работать в РОВД следователем. Борис Анатольевич какое-то время даже не разговаривал с сыном, а потом подумал: а может, Андрей прав? С его-то скромными способностями и на том спасибо.

Андрей и Вадик даже внешне были такие разные, будто и не братья. Андрей явно пошел в мать: светловолосый, сероглазый. Но блондинка Ниночка была очень хороша собой, все в ней было гармонично: белая кожа, красиво очерченные скулы, серые глаза, точеный носик, неподдельная мушка на правой щеке. Даже в зрелом возрасте она не растеряла свою красоту. Андрей унаследовал черты матери, но то, что хорошо было для женщины, его внешности впрямь не пошло. Он имел крепкую мужскую фигуру, но лицо его было каким-то блеклым, невыразительным, хотя и не лишенным приятности. Совсем другое дело Вадим! Темноволосый, широкоплечий, с мужским, твердым овалом лица. Нос с небольшой горбинкой, красиво очерченный рот, выразительные серые глаза. Породистое лицо в сочетании с высоким ростом – да уж, Вадик был красив и обаятелен, и тут дело вовсе не в отцовской гордости. Он объективно был прекрасен.

Хотя в своего младшего сына Борис Анатольевич Краснов вливал все свои жизненные силы, Вадик закончил юрфак с красным дипломом не благодаря отцу, а только за счет своих способностей. Он обладал блестящей памятью, аналитическим складом ума, и, что очень важно, умел организовать свое время. На первых порах Борис Анатольевич помогал сыну, как мог, но скоро понял, что сын в его помощи не так уж и нуждается: он блестяще знал Процессуальный кодекс, умел правильно использовать эти знания, и иной раз даже удивлял отца, предлагая решения, которые поражали старшего Краснова свежестью, смелостью и новизной. Неудивительно, что Вадим довольно быстро заработал репутацию. И опять же помогла ему не громкая в юридических кругах города фамилия, а собственные мозги. Вместе с известностью стали приходить и деньги. Борис Анатольевич, посвятивший профессиональную жизнь уголовному праву, не мог нарадоваться на сына, но в какой-то момент Вадим заявил: «Папа, я познакомился с одними людьми, мне кажется, это очень перспективно по деньгам и статусу. Я ухожу из уголовного процесса».

Меньше чем за два года Вадим занял такую должность, что у отца больше не было сомнений: сын знает, что он делает. Вадим стал руководителем юридического департамента крупнейшего в области строительного холдинга. О деньгах, какие он получал, можно было только мечтать. И в очередной раз Борис Анатольевич убедился: да, его второй сын удался... И когда полгода назад новоизбранный мэр города назначил Вадима Краснова своим заместителем по правовым вопросам, отец даже не удивился.

А теперь вот позвонила Лиза и сказала, что соседи нашли Вадима в подъезде с проломленной головой в луже крови. Удар тяжелым предметом. Кто мог его нанести? Да, у Вадика была серьезная работа, но его назначили на должность совсем недавно – еще предвыборные плакаты не успели содрать со стен домов. А кроме работы? У него прекрасная семья, любимая и любящая жена Лиза, своенравная, но все равно чудесная дочь Катя, семья брата Андрея, о которой Вадик заботился и всегда помогал по мере сил, друзья, коллеги. Его все любили. Кто мог желать его смерти?..

Звонок в дверь так и не прозвучал. Лиза открыла дверь своим ключом, который у нее имелся на экстренный случай.

– Папа, давайте соберем все необходимое и поедem к нам, – спокойным голосом предложила она.

И Борис Анатольевич начал собираться...

С самого утра в кабинет мэра никого не пускали. И не потому, что там был следователь. Следователь был, да ушел, когда еще не было десяти. Теперь в кабинете мэра был другой посетитель.

Тот, кто находился в кабинете главы города, был для него, безусловно, важнее всех полицейских и следователей, вместе взятых. Эдуард Грач – глава и хозяин крупнейшего в регионе строительного холдинга «Высота» – вылетел из Москвы сразу же, как только узнал о гибели Вадима, своего бывшего руководителя юридического департамента. Причем «бывшего» лишь формально: Вадим, даже находясь на своей должности в мэрии, продолжал работать на Грача. По прилете Эдуард заехал к Лизе, убедился, что она в себе, что отец Вадима, Борис Анатольевич, у нее под присмотром, и сразу поехал в мэрию. И сейчас он сидел не на том стуле, который ему предложили и где остывала чашка чая без сахара, который он пил обычно. Он сел в самом дальнем углу, за стол для совещаний. На стул, на котором, наверное, полагается сидеть самому незначительному персонажу из тех, кого вызвал на совещание мэр.

– Леня, – обратился он к хозяину кабинета, который в это время судорожно комкал бычок в пепельнице, – объясни мне, что происходит. Давай не будем ходить вокруг да около. Ты просил денег на выборы, я дал. Я, в свою очередь, просил у тебя некоторые должности, и ты был не против. Мы продолжаем сотрудничать, и мне казалось, что между нами все просто, понятно и взаимовыгодно.

– Да, Эдик, все правильно, – ответил мэр.

Нешуточное дрожание его рук не укрылось от внимания собеседника.

– Леня, ты перенервничал? Выпей, расслабься, ради бога, чего ты меня стесняешься? Я что, второй день тебя знаю, что ли?

Глава миллионного города вышел из кабинета в комнату отдыха, открыл шкафчик в дубовом гарнитуре, с минуту подумал, что предпочесть с учетом раннего времени и наличия серьезного стресса: виски или коньяк. Остановил свой выбор на коньяке, налил большую рюмку до краев и мгновенно ее выпил. Потом, подумав секунду, взял еще одну, для гостя. Выйдя в кабинет, он налил напиток в две рюмки, одну подвинул Эдуарду, другую выпил сам.

– Полегчало? – без тени улыбки спросил Эдуард.

Мэр неуверенно кивнул.

– Я продолжу. – Посетитель опустил глаза в пол. – Так вот объясни мне, Леня, как могло случиться, что начальник моего юрдепартамента, лучший юрист этого вонючего города, человек, который, как мы договорились, займет после твоей победы эту должность и решит все вопросы моего холдинга... не буду тебе напоминать условия нашего договора. Не буду напоминать и о том, что в проекте развития Северо-Восточного района ты заинтересован лично. Так вот объясни мне теперь, как могло получиться, что через несколько месяцев после вступления в должность этого человека замочили в подъезде, как какого-то бродягу? Это что означает? Может, я чего-то не знаю?

Грач встал, отпихнул стул ногой, медленно прошелся по кабинету, при этом на его майке от Армани явственно проступили следы пота. На лбу тоже повисли капли. Поход к мэру он не считал достаточно важным поводом для того, чтобы облачаться в костюм. Костюмы и галстуки Эдуард Грач надевал только на встречи с банкирами или депутатами Госдумы и исключительно на время этих встреч. Эдуард, талантливейший бизнесмен, который никогда не обманывался в

своих проектах и в своих людях, сейчас находился в явном замешательстве. Он был не только страшно расстроен, но и чудовищно раздражен.

– Скажи, Леня, кто мог убить моего человека? Я работал с Вадимом много лет, я проверял его не один раз, передо мной он чист, у него было сто возможностей сходить на сторону, но он ни разу ими не воспользовался. Он был заинтересован в моих прибылях. Меня предать он не мог, ему это просто не выгодно. Значит, он кому-то помешал? Значит, за то время, что он работал у тебя, он приобрел таких врагов, которые пошли на крайние меры? Убить вице-мэра – это не шутки, на такое не каждый решится – должна быть очень и очень веская причина.

– Я не знаю, что тебе сказать, Эдик, я пока сам ничего не понимаю, – вздохнул мэр. – Я буду разбираться.

– Леня, мне будет очень жаль, если ты не сможешь дать ответа на мой вопрос. Мне очень нужно, чтобы ты разобрался. Кому, как не тебе, знать, в чем таком мог участвовать мой Вадим, а если он ни в чем не участвовал, то это я тоже должен знать точно. Если он во что-то влез, я хочу иметь доказательства, подтверждающие его действия. Я не могу мириться с тем, что ключевого для меня человека бьют в подъезде по башке, как какого-то алкаша.

С этими словами Грач вышел из мэрского кабинета, бесшумно закрыв за собой дверь. Рюмка коньяка так и осталась не выпитой.

Леонид Михайлович Вешняков, несколько месяцев назад избранный мэром, стоял, тупо глядя в окно на главную площадь. Будний день, народу на улице полно. Невыносимая жара чуть-чуть спала, но листья на деревьях под окнами здания мэрии из-за непрекращающегося зноя скрючились и пожухли. Какой уютный у него все-таки кабинет! И ходики так мерно тикают. И бонсаи на окне делают рабочее помещение еще милее. Мэр снова пошарил в шкафчике, налил еще одну большую рюмку коньяку, распечатал шоколадную конфетку. Он еще ничего не ел с утра, в желудке бултыхалась только чашка чая с коньяком. Сейчас он выпьет и успокоится... Но как тут успокоиться? Леонид Вешняков действительно не знал, кто убил Вадима Краснова. Но... Неужели это... Нет, даже думать об этом не хочется...

Несколько минут назад в разговоре с Грачом, когда он уверял, что сам ничего не понимает, мэр лукавил. Было у него одно очень серьезное сомнение, настолько серьезное, что думать о нем не хотелось, потому что если это окажется правдой, то и он сам будет впутан в очень и очень неприятную историю. Вернее, он уже давно в нее впутан, но пока об этом никто не знает. А если узнают? Что тогда? Каковы будут последствия для него самого?

Возглавлять следственно-оперативную группу по делу об убийстве Вадима Краснова назначили Сергея Алексеевича Поповкина, следователя с огромным стажем и богатейшим опытом успешно раскрытых дел. Вначале он побеседовал с братом убитого Андреем: все-таки Андрей сам следователь, и беседа шла на одном языке, тем не менее она оказалась абсолютно непродуктивной. Старший брат Краснова видел Вадима последний раз неделю назад, не имел ни малейшего представления о том, были ли у него проблемы на работе (ни о чем таком Вадим не говорил) и имелись ли недоброжелатели. Андрей был уверен, что Вадим был абсолютно доволен и жизнью, и работой.

Разговор с женой Лизой тоже практически ничего не дал. Жене Вадим никогда не говорил о том, что ему угрожают, никаких подозрительных звонков, никаких внезапных отлучек, подавленного настроения, ничего этого не было. Все было как всегда. И когда «это случилось», они с дочерью были дома: Катя висела в Интернете, Лиза что-то готовила, когда позвонил сосед и сказал, что там, в подъезде, кажется, лежит Вадим... На этом моменте Лиза тихо заплакала, и больше от нее было уже ничего не добиться. Ладно, после похорон ее можно будет допросить поподробнее, сейчас все-таки слишком сказывается шок.

Те же результаты дали разговоры с отцом и Катей, дочерью убитого. Получалось, что Вадим Борисович Краснов – серьезный профессионал, заботливый сын, хороший брат, любя-

щий и любимый отец и муж. У него была интересная работа, которую он выполнял честно (хотя это еще проверять и проверять), были друзья, его уважали коллеги. Они же утверждают, что он был веселым, беззлобным человеком, требовательным, конечно, но ответственность в полной мере разделял вместе с подчиненными. В общем, портрет получался... что и говорить. Однако вчера вечером, около половины девятого, кто-то ударил этого замечательного человека в висок. Дорогие часы остались на руке, бумажник с 12 тысячами рублей и кредитной картой в портфеле. Нет, определенно Вадим Краснов был не из тех, кого бьют по голове в подъезде. Такие, как он, баловни судьбы не пачкают кровью костюм из новой коллекции Каролины Эрреро. Если уж таким, как он, и суждено умереть насильственной смертью, то они взрываются в своем «Лексусе» или в них стреляет высокооплачиваемый снайпер. И взорванный автомобиль потом показывают по центральным телеканалам, а снайпера судят показательным процессом. Такой человек, как Вадим Краснов, не должен лежать в подъезде с проломленной головой. Такая смерть ему совсем не подходит.

Глава 2

Андрею было десять лет, когда родился младший брат. Тогда он и понял, что его собственная жизнь в семье больше не имеет никакого значения. Нельзя сказать, чтобы родители не любили старшего сына. Нет, любили, конечно. Раз уж он есть, раз уж он существует на свете, раз уж он живет с ними в одной квартире, значит, его нужно хоть как-то любить. Отец всегда был человеком властным, честолюбивым, всегда стремился быть во всем лучше других. Он имел обширную адвокатскую практику, получал большие гонорары, кроме того, был ученым: кандидатом, затем и доктором наук, преподавал в университете. Он жил по высокому стандарту и от других требовал соответствовать этому уровню. Мама, Нина Григорьевна, старалась изо всех сил. Она была красивой, стройной, элегантной женщиной, поженились они с отцом, еще будучи студентами-однокурсниками. Она не была столь гениальной, как папа, поэтому отец решил ее не утруждать и позволил заниматься гражданским правом, вести дела спокойные, не требующие больших усилий. Больших усилий он требовал от нее в другом: Нина должна была соответствовать его статусу как жена и как хозяйка дома. Она посещала лучших массажисток, элитные парикмахерские, всегда была идеально причесана, дорого и модно одета. Каждый раз, когда у них собирались коллеги Бориса или гости из числа его клиентов, Нина готовила что-нибудь изысканное.

Андрюша не любил то, что готовила мама к приему гостей, и когда возникала необходимость правильно пользоваться приборами под строгим взглядом отца, у него портилось настроение и начисто пропадал аппетит.

Самым нормальным времяпрепровождением Андрей считал игру с пацанами в футбол. Папа только морщился.

С рождением младшего брата жизнь Андрея изменилась, и поначалу ему казалось, что в лучшую сторону. От него наконец отстали. Его перестали замечать. Отец не докучал больше с постоянными дополнительными заданиями, перестал требовать переводы с английского, не тренировал его больше в разговорном (этого Андрей не любил больше всего – смущался). Жизнь родителей полностью сконцентрировалась вокруг малыша, и Андрюша, который с младенцем помогал, как мог – в основном на побегушках в магазин или аптеку, – даже удостаивался похвалы, одобрительного взгляда отца и лишнего поцелуя в макушку от матери.

О Вадиньке говорили целый день, просыпаясь, завтракая, приходя с работы, за ужином и перед сном. Поначалу Андрей радовался тому, что в его сторону слышится все меньше замечаний, а на тройки, которые он периодически приносил из школы, отец только тяжело вздыхал и уходил в другую комнату.

Но в какой-то момент подрастающий мальчик понял, что отец просто махнул на него рукой. Он – неудачник. Он – бездарь. Никто не принимает его всерьез. Он никому не нужен. Отныне в семье главной надеждой будет его младший брат, ему будет посвящено все время, все силы и... самое главное – любовь.

После университета Андрей пошел в милицию на следовательскую работу, он понимал, что отцу этот выбор крайне неприятен, но от его предложений решительно отказался и не был ничуть удивлен, когда на него в очередной раз махнули рукой. Подрастал Вадинька – мальчик, подающий большие надежды.

Потом вся семья переехала в новую огромную квартиру в только что построенном доме. Андрей не спешил жениться и создавать собственную семью. Об отдельном жилье, учитывая милицейскую зарплату, мечтать не приходилось, да и жениться положила руку на сердце было Андрею не на ком. Нет, у него была личная жизнь, он встречался с девушками, иногда вступал в отношения с замужними дамами, но влюбиться по-настоящему не получалось. Вот если бы на него обратила внимание такая, как Вадькина Ирочка, это было бы совсем другое дело, он женился бы не раздумывая!

Вадик вырос красавцем, потому вниманием обделен не был – девчонки к нему буквально липли. Менял он их довольно часто, но эти отношения были легкими, ни к чему не обязывающими, впрочем, именно такие он и предпочитал. Девушки считали как раз наоборот – Вадик привлекал их не только как партнер для сексуальных утех и приятного времяпрепровождения, но и как потенциальный муж. Папа – известный адвокат, к тому времени уже профессор. Замечательная семья с деньгами и обширными связями. Все-таки фамилия Краснов в городе кое-что значила. Андрей никогда не завидовал брату в этом смысле: с такими длинноногими, волоокими, едва одетыми красотками сам он обращаться не умел и даже не представлял, как себя с ними нужно вести. Так что девушки, бесспорно, были хороши, но, как говорится, всякий сверчок знай свой шесток.

В один прекрасный день в их доме появилась Ирочка. Еще до ее официального появления Вадик рассказывал о том, что познакомился с чудесной девушкой с филфака, говорил, какая она хорошенькая, какая умница, какая начитанная, какой у нее тонкий вкус и всякое такое. И как-то за ужином мама сказала:

– Ну что же ты, Вадинька, не покажешь нам свою замечательную подружку? Только про нее и говоришь, а домой не привел ни разу.

– Ну, если это не будет воспринято как официальное представление невесты, – ответил Вадим, – то приведу. Такую девушку показывать не стыдно.

В субботу Вадик отправился встречать Ирочку. Мама накрыла обеденный стол изящной скатертью, поставила сухое белое вино, овощные салаты, тончайше нарезанный сыр. В духовке доходила до стадии готовности домашняя утка. Запахи пищи вызвали голодные спазмы в желудке. Андрей стащил со стола крошечный пирожок с печеночной начинкой и завалился на диван смотреть телевизор. Он не разделял семейного ажиотажа по поводу явления гостьи, и, если честно, ему были не очень интересны предстоящие смотрины. Он ожидал увидеть очередную длинноногую девицу с круглой попкой и чувственными губами. Ничего нового и интересного.

Ирочка появилась на пороге их квартиры, несколько не смущенная, как этого можно было ожидать от первого визита в чужой дом, сияя улыбкой и раскосыми, слегка приподнятыми к вискам голубыми глазами. Она была не просто хорошенькая, она была необыкновенная. И совсем не такая, какую Андрей ожидал увидеть рядом с Вадимом, – невысокая, хрупкая, нежная, со светло-пепельными волосами, очень белой прозрачной кожей, высокими скулами. Она показалась Андрею каким-то неземным существом. Ее лицо нельзя было назвать идеально правильным: тонкий носик имел небольшую горбинку, если присмотреться, то станови-

лась заметной легкой степенью косоглазия, ушки были слегка оттопырены, чего она, видимо, ни капли не стеснялась, раз откидывала волосы назад. Все эти милые неправильности придавали ей особенный шарм, а слегка косящий взгляд делал какой-то беззащитной. Такую девушку хотелось носить на руках, защищать, холить и лелеять, как лелеют новорожденное дитя...

Ирочка с первой секунды загипнотизировала Андрея. Впрочем, она загипнотизировала и всю семью. Улыбка ее была искренней, речь правильной, во время общей беседы ей не нужно было изображать заинтересованность, она живо вникала во все темы, высказывала свое мнение.

Она не прилагала усилий к тому, чтобы произвести благоприятное впечатление, это происходило само собой. Она не отказалась выпить вина, и ее нежные щеки порозовели, а глаза засияли пуще прежнего.

С того субботнего обеда Ирочка стала появляться в их доме довольно часто. Она очень понравилась и маме, и отцу. Отец оценил ее речь, манеру вести себя, искренность, непринужденность, безусловную начитанность, умение поддержать любой разговор. Мама отметила все то же самое, но отдельно похвалила Ирочкино умение преподнести себя, более чем умеренное использование косметики, вкус в одежде. В общем, Ирочку в доме приняли очень охотно. Ее присутствие в их семье было органичным. Самое удивительное, что Вадик перестал водить домой посторонних девиц и, похоже, все вечера и свободные дни проводил только с ней, ну и с Лешкой, конечно. Алексей был закадычным другом Вадима еще со школы. Он жил в соседнем доме, учился с Вадиком в одном классе, а потом уже и на одном факультете, в одной группе.

Так продолжалось почти два года, девушка стала совсем своей в доме, на Вадика по-прежнему смотрела с обожанием, к Борису Анатольевичу и Нине Григорьевне относилась с большим уважением, Андрею симпатизировала, всегда была с ним приветлива и мила.

А вот если бы Андрея спросили, как он относится к Ирине, ему трудно было бы ответить на этот вопрос. Ирочка молодая, утонченная девушка, а он? Он обычный следак с постной физиономией. С ним ей было бы скучно. Он никогда не сделает блестящей карьеры, будет карабкаться от звания к званию – как все. Он не может составить пару такой девушке, как она. Но главное – Ирочка слепо любит Вадима. Она – девушка его брата, этим все сказано. Раз и навсегда. Андрей все это четко осознавал, но никакое осознание не мешало его сердцу выскакивать из груди, когда раздавался тройной звонок в дверь (Ирочкин условный звонок), смущаться и краснеть в ее присутствии. Или незаметно для окружающих подолгу, не мигая смотреть на ее лицо. И никакие моральные запреты и табу не могли помешать тому, что он часто, а периодами каждую ночь, видел ее во сне. Иногда ему снилось, что он зовет ее, ищет и не может найти. И тогда он просыпался в страхе: а вдруг он ее больше никогда не увидит?

Весной, когда Вадик активно готовился к защите диплома, он много времени проводил с отцом. Они подолгу занимались в отцовском кабинете, Ирочка училась только на четвертом курсе (она была на год младше), но хорошо понимала, что у Вадима сейчас очень ответственный период. Они стали реже видаться, но это некоторое охлаждение в отношениях Ира воспринимала спокойно, без волнения. Вадим обладал блестящей памятью, учеба давалась ему легко, и то, что график его несколько уплотнился, не должно было стать веской причиной для хоть какой-то нервной перегрузки. И тем не менее как-то раз он пришел домой злой, раздраженный, каким бывал крайне редко. Отцу объяснил, что поссорился с преподавателем, с которым и раньше не очень-то ладил, еще и с Иркочкой разругался. Подробностей рассказывать не стал, просто сообщил, что она на него совершенно несправедливо за что-то обиделась, а он не собирается бегать за ней. И пусть она подумает о своем поведении, прежде чем он ей позвонит.

Но прошла неделя, а Вадим так и не помирился со своей подругой. Как-то без свидетелей Андрей осмелился спросить его, не звонил ли он Ирочке, но брат бросил, не отрываясь от книги:

– Да не переживайте вы, околдовала она вас всех прямо... Успею еще, помирюсь. Куда она денется-то?

Он отложил монографию, которую читал, потянулся:

– Что-то уже мозги опухли... Тружусь без продыху. Лешка зовет на капустник, на журфак. Пойти, что ли, с ним, развеяться?

– А что это вдруг Лешка на журфаковский капустник идет? – спросил Андрей.

– Да он с какой-то девицей с журфака познакомился, теперь ходит за ней по пятам, влюбился без памяти. – сообщил Вадим.

– Хороша девица? – спросил старший брат.

– Да я ее не видел, он ее пока не показывал, – мимоходом ответил Вадик, – говорит, что какая-то красotka неопиcуемая, а там... кто его знает. Пойду с ним, заодно и посмотрю, из-за кого это у нашего Лешки мозги набекрень свернулись.

– Может, Ире позвонишь, возьмешь ее с собой?

– Нет, это так не делается, – сразу отmel предложение Вадим, – к ней подход нужен, она обиженная, небось сидит, дуется как мышь на крупy. Она же у нас нежная. Ладно, брат, уговорил, завтра поеду к ней. Да и плоть уже женской ласки требует, честно говоря...

Вадик хмыкнул и пошел собираться. От циничной реплики о плоти Андрея передернуло, да так сильно, что он с величайшим трудом удержался, так хотелось ему отвесить младшему брату затрещину. Они могли между собой довольно откровенно обсуждать разных женщин, отпускать любые сальности в чей угодно адрес, но такие слова об Ирочке? Как мерзко, как пошло.

На следующее утро была суббота, на службу не надо. Андрей спал долго, потом позволил себе с наслаждением просто поваляться в постели, пока, наконец, желудок не намекнул ему, что настало время двигаться в сторону кухни. Выйдя из своей комнаты, Андрей понял, что он в квартире совершенно один. Ага, суббота же, а в субботу утром родители редко когда бывают дома. Сегодня мама с бывшим папиным студентом уехала за продуктами, она очень придирчиво выбирает то, чем семья будет питаться будущую неделю, а студент с удовольствием работает носильщиком. Борис Анатольевич первую половину субботнего дня обычно проводит в офисе своей адвокатской конторы, встречаясь с «особыми» клиентами, – с теми, кто не любит суеты и спешки буднего дня. Эти клиенты были самые денежные, поэтому первой половиной выходного дня Борис Анатольевич жертвовал без всякого сожаления. Ну а Вадька небось нагулялся вчера и до сих пор дрыхнет без задних ног. Но, выйдя в холл, Андрей отметил, что Вадькиных туфель на коврике у двери нет. Так, стало быть, он вообще не приходил ночевать. Андрей заглянул в комнату брата – пусто, и постель не тронута. Значит, все-таки не ночевал.

Его не было и весь день. Вообще-то Вадим никогда не вел монашескую жизнь и маменькиным сынком вовсе не был, но оснований волноваться, где он пропадает, у родителей раньше не возникало. Просто они всегда примерно знали, где он может быть.

Когда поздно вечером стало ясно, что и вторую ночь, по всей видимости, Вадим проведет вне дома, мама стала звонить его другу Алексею. Однако Леша на вопрос Нины Григорьевны ничего ответить не смог, более того, говорил сквозь зубы – и это воспитаннейший мальчик, который, еще будучи первоклассником, стал своим в их доме! Он сухо, через силу сказал, что не имеет представления, где может находиться Вадим, извинился и первым повесил трубку. Неслыханно! Неужели они поссорились? А может, что-то случилось?

Борис Анатольевич пока не видел причины для особых волнений, а Нина Григорьевна уже достала из шкафчика капли. Звонок Андрея Ире тоже ничего не дал.

Вадик явился после часа ночи. Не пьяный, хотя вблизи улавливался легкий запах алкоголя, очень возбужденный, с горящими глазами и совершенно дурацкой улыбкой на лице. Не

успев войти, он кинулся целовать маму, которая уже успела изрядно себя накрутить, потом крепко обнял отца, приветственно ткнул кулаком в живот старшего брата и заорал:

– Мамулечка, дай умирающему от голода сыну какой-нибудь еды!

Мама захлопотала на кухне, вынимая что-то из холодильника, отец, не ожидавший появления сына в таком состоянии, только спросил:

– Где ты пропадал? Мы же волнуемся...

– Ой, пап, – весело отмахнулся Вадим, – не сейчас. Я гулял.

– У тебя все в порядке? Ты какой-то странный...

На это Вадик только заразительно рассмеялся и еще раз обнял отца.

Целую неделю, прошедшую с той субботы, Вадима в квартире почти не было. С домашними он едва разговаривал, видно было, что мысли его где-то далеко. Он стал суетлив, возбужден, витал где-то в иных мирах. Борис Анатольевич и Нина Григорьевна, несколько ошарашенные такой переменой в сыне, безмолвно недоумевали. Вставал Вадим рано и – о чудо! – без будильника, быстро собирался и убегал, часов после шести вечера являлся домой усталый, плотно обедал, принимал душ, одевался, более придирчиво, чем всегда, выбирая одежду, и снова исчезал. Когда он возвращался, никто не знал, в это время в доме все уже спали. Профессор Краснов, естественно, был полностью в курсе учебных дел сына. Он знал, что не будет никаких неожиданностей, никаких сбоев, никаких неприятных сюрпризов, потому старался лишних вопросов Вадиму пока не задавать и жену призвал к тому же: настанет время, сам расскажет.

И в следующую субботу Андрей проснулся дома совершенно один. Сухость во рту погнала его на кухню в поисках чего-нибудь газированного. С вечера они в отделе отмечали присвоение очередного звания его хорошему служебному приятелю, ну и, разумеется, выпили. Потом, конечно же, продолжили. Выпитая после водки бутылка пива наутро дала о себе знать головной болью, тошнотой и общей вялостью. Вот ведь все же взрослые люди, все же знают непреложный закон: никогда не пить пиво после крепкого алкоголя, не идти на понижение градуса, но почему-то мужики, входя в кондицию, это правило игнорируют.

Вадима, как и ожидалось, дома не было, сегодня он опять не ночевал, на этой неделе уже второй раз. Мама уехала на кладбище, отец встречался с очередным денежным клиентом. В холодильнике наверняка оставлено что-то для него, но Андрею почему-то ужасно захотелось простой жареной картошки, залитой яйцами. Так захотелось, что его не остановила даже необходимость самому чистить клубни. В принципе ему нравились часы одиночества в квартире, когда он никого и ничего не слышал, включал те каналы, которые хотел, ходил в одних трусах и думал о чем-то своем. Он достал из шкафчика бутылку сухого вина, поставил в морозилку, а сам принялся за чистку картошки.

Звонок в дверь его не особенно удивил: наверное, Вадик вернулся. Своими ключами младший брат открывал дверь только в том случае, когда по-другому она не открывалась, то есть в квартире никого не было. Сердце Андрея с грохотом ухнуло куда-то вниз, когда на пороге он увидел Ирочку. Он кинулся в свою комнату, быстро оделся, а когда вышел, Ира стояла в той же позе у входной двери, не продвинувшись в квартиру ни на сантиметр.

– Ирочка, ты почему не заходишь? – воскликнул Андрей, скрывая смущение. – Я ж просто в неглиже был, убежал, сама понимаешь, проходи.

– Спасибо, Андрей, ты извини, что я так рано пришла, хотелось Вадима застать, пока не ушел. Он еще спит?

У Андрея сжалось сердце. Ирочка сегодня такая бледненькая, веки красноватые – то ли плохо спала, то ли плакала. И сама она, обычно такая сияющая, сегодня какая-то совсем тусклая. Андрей не знал, как ей сказать, что Вадима нет дома. Признаться, что он вообще не ночевал? Исключено. Придумать визит к родственникам вместе с родителями (благо родителей тоже нет дома)? Или выдать версию о ранней поездке на Птичий рынок за кормом для аква-

риумных рыбок? (На деле, конечно же, Вадик никогда до таких вещей не снисходил, рыбий корм приобретал Андрей.)

– Андрей, Вадик не ночевал дома? – пока он думал, догадалась Ира.

– Ирочка, я не знаю, если честно, он сейчас много занимается, рано уходит, а мы вчера с друзьями, если честно, выпили, я и не понял, был он дома или нет. Наверное, уже убежал куда-то с утра.

Андрей не умел лгать. Он любил прямооту, терпеть не мог изворачиваться, что-то придумывать... В конце концов, он следовательно. Истина – это, если хотите, его работа.

– Я так и думала, я это предвидела. Я шла сюда и знала, что так все и будет.

– Ира, ты взрослая девушка, что ты так вдруг переживаешь из-за ерунды? Пойдем, я налью тебе чаю, хочешь, завтраком покормлю, вот твои тапочки.

Ирочка прошла за ним в кухню, и только там, при ярком дневном свете, Андрей настоящему заметил, что происходит с девушкой. Ее всю трясло. Бледные щеки покрылись яркими лихорадочными пятнами, руки ее дрожали, когда она налила себе воды из стоящей на столе бутылки газировки. Глаза были воспаленные, в них стояли готовые вылиться бурным потоком слезы. Так они простояли, наверное, минуты две, не говоря друг другу ни слова. И вдруг Ирочка обхватила Андрея за шею, уткнулась лицом в его плечо и отчаянно зарыдала. Она рыдала громко и безнадежно, не стесняясь сдавленных звуков, не сопротивляясь тому, что Андрей вытирал ей ладонью не только льющиеся потоком слезы, но и влагу из носа. Через минуту его майка в районе плеча была уже совсем мокрой, ее зубы стучали о край стакана с водой так, что казалось, она их просто выбьет. Андрей гладил ее по голове, по мягким, пушистым пепельным волосам, от которых исходил какой-то незнакомый нежный аромат. Он гладил ее по спине, ощущая под пальцами ее хрупкие тонкие позвонки, и думал: «Боже, какое счастье просто держать ее в руках». Истерика длилась минут десять, потом Ира смолкла и успокоилась.

– Я все знаю, Андрей, не надо меня щадить. Просто мне нужно знать окончательно, чтобы уже точно... Раз и навсегда.

– Ирочка, о чем ты, я не пойму? Что ты знаешь, что случилось?

– Ты знаешь, что Вадим встречается с другой девушкой?

– Нет. Откуда? Думаешь, он всеми своими переживаниями с нами делится?

– Верю, – продолжала Ира, – но ты же не скажешь, что он целыми днями занимается и сидит дома, готовится к экзаменам?

Андрей смутился, в эту минуту врать ей он просто не мог.

– Нет, я так не скажу, в последнюю неделю мы действительно его очень редко видим.

– Так вот я скажу тебе почему. У него появилась девушка, и все свое время он проводит с ней. – Ирочка опять чуть не плакала. – И длится это уже неделю.

– Мне приходила в голову такая мысль, но... Слушай, вы же поссорились, может, он тебя дразнит, третирует? Может, он хочет, чтобы ты ревновала и бесилась? Может, это все для того, чтобы ты как раз пришла сама?

– Нет, Андрей. – Ирочка сокрушенно покачала головой. – Я ее видела, с такими девушками, как она, не встречаются из чувства мести. Это не то. У них бешеный роман.

Да, Ира ревнует, она просто ослеплена ревностью. Но Вадик-то каков! Два года встречаться с девушкой, иметь серьезные отношения и вдруг вот так, без единого слова, без объяснения...

– Ирочка, – решил прервать молчание Андрей, – скажи, а ты откуда знаешь, что у Вадика именно роман? Может, всего лишь легкая интрижка? Или вообще что-то незначительное?

– Ну, во-первых, легкая интрижка или тяжелая, значения это уже не имеет. Он мне изменил. А во-вторых, о том, что это не просто интрижка, я знаю точно.

– Откуда, Ирочка? Это же наверняка только твои домыслы. Все мужчины проходят через это, поверь мне. Мы все периодически увлекаемся, ну так мы устроены, понимаешь? Но это не значит, что мы готовы бросать из-за этого близкого человека. Кто тебе вообще про все это рассказал?

– Кто мне рассказал? Лешка рассказал, – ответила девушка.

– Лешка?! – Андрей был искренне изумлен. Чтобы он вдруг заложил своего лучшего друга его девушке? Да где это видано такое?

– Удивляешься? Не удивляйся, это ведь Вадик его девушку у него из-под носа увел.

Да, это уже, извините, ни в какие ворота... За многие годы своей дружбы они никогда не делили девочек, девушек. Между ними не то что ссор, а даже намеков ни на что подобное никогда не было. Лешка Гордеев – парень интересный, с озорными карими глазами, густыми черными бровями, с приятными чертами лица, невысокий, но широкоплечий, ладно скроенный. Девушкам он всегда нравился. Конечно, он был не так красив, как Вадим, и не пользовался таким бешеным успехом, да и девушки, с которыми он дружил, выглядели поскромнее Вадькиных девиц, но все равно личная жизнь у него была успешная и вполне насыщенная. Свою дружбу они всегда ставили выше амурных интересов, считая, что барышень вокруг много, на их век хватит, а вот друг – это на всю жизнь. Как же мог Вадик пренебречь этим принципом? В это просто не верилось.

– И что же это за девица такая? – спросил Андрей.

– Это Лиза Теплицкая, дочка главного дирижера нашей областной филармонии. Журфак оканчивает. Леша с ней познакомился не так давно, говорил, что она очень красивая, вот Вадик наш эту красоту по достоинству и оценил, – горько усмехнулась Ирочка.

Хоть Андрей и считал, что жизнь брата – его сугубо личное дело, но все же он был потрясен.

– Знаешь что, моя дорогая, тебе надо успокоиться. Жизнь не кончилась. Даже если это не просто интрижка, даже если у него закрутилось всерьез, все равно ты взрослая, красивая, умная девушка. Твоя жизнь только начинается. Давай-ка я налью нам с тобой чаю и коньячку, тебе нужно привести свои нервы и мысли в порядок.

Андрей встал, открыл буфет в поисках бутылки, поставил греться воду.

– Я, наверное, не буду пить коньяк, хотя меня сейчас так трясет, что очень хочется. Пока не приму окончательного решения, пить не буду.

– Какое решение? Ирочка, ты что? Выпей, тебе необходимо успокоиться.

– Решения о том, как мне поступить дальше, – сказала Ира совсем тихо и опустила голову. – Я, видишь ли, беременна. И пока не решила, что мне делать с этим дальше.

Для одного утра информации было уже слишком много. Андрей обессиленно опустился на стул.

– А ты думаешь, что я пришла бы сюда, если бы не это? – воскликнула она. – Неужели ты думаешь, что я стала бы так унижаться, самой идти к человеку, который меня в упор не видит? Но речь уже идет не только о моей жизни, на меня наплевать – пусть. Но лишить жизни еще не родившегося человека, даже не попытавшись спасти эту жизнь, – это плохо. Так нельзя. Только поэтому я здесь. Вчера я была в консультации. Никто, кроме тебя, ничего не знает. Вот такие дела, Андрей. Я не знаю, что мне делать. Ты взрослый человек, у тебя жизненный опыт, ты следовательно, много повидал всякого. Скажи, что мне делать, как мне быть?

Больше всего Андрею хотелось сказать ей: «Дорогая Ирочка, плюнь на моего братца, забудь о нем, как будто его никогда не было. Выходи за меня замуж, и мы с тобой вместе вырастим чудесного мальчика. Или девочку. Я буду тебя любить и заботиться о тебе, я никогда тебя не предаю и не брошу, я никогда не изменю тебе, я даже не посмотрю в сторону другой женщины. Мы снимем квартиру, если не будет хватать денег, я даже сменю работу, найду что-то в частной сфере, где больше платят. Пусть ты меня пока не любишь, но я-то люблю тебя

так, что моей любви хватит на всех, включая ребенка. Я буду растить его, как своего, и он никогда не узнает, что я ему не отец, а дядя. Я буду защищать тебя, я никому не позволю тебя обидеть, никогда из твоих прекрасных голубых глаз не потекут больше слезы. И мы проживем с тобой долгую и счастливую жизнь, и даже в старости я буду счастлив, потому что я старше и не боюсь тебя пережить».

Вот что ему хотелось сказать на самом деле. Может, он и сказал бы, но горло предательски пересохло, сердце заколотилось, виски сдавила такая боль, что перед глазами все поплыло. Нет, ничего он ей не скажет. Потому что такое говорится только один раз. Сейчас Ирина его поблагодарит и откажет. И другого шанса у него уже не будет. Это будет конец, он больше никогда ее не увидит. Нет, надо успокоиться, надо дать ей время во всем разобраться. И потом, с чего он взял, что Вадик, узнав о беременности Иры, не опомнится от бурного романа и не поведет свою девушку в ЗАГС? Все-таки у них будет ребенок.

– Знаешь, Ирочка, наверное, тебе с Вадимом объясняться сейчас будет сложно, – очень осторожно начал Андрей. – Мы не знаем, что там за амурные дела у него, насколько далеко это зашло. Разговор с ним может тебя сильно расстроить, а тебе не следует нервничать. Я попробую поговорить с ним сам. Ты доверишь мне такую миссию?

– Спасибо, Андрей, я не решалась попросить тебя об этом, ты ведь не обязан портить отношения с братом из-за меня. Но мне самой действительно будет сложно, я просто не выдержу. Я боялась тебя просить, но раз ты сам предложил, то очень прошу, сделай это. Но только обещай, что потом скажешь мне всю правду, какой бы горькой она ни была. Я должна принять решение, пока не поздно. – В голосе Ирочки прозвучали такие решительные нотки, что Андрей немного испугался.

– Ира, – заволновался Андрей, – смотри, не делай глупостей. Не принимай никаких решений, пока я не поговорю с Вадимом. И вообще, почему ты должна принимать какие-то решения? На Вадиме свет клином не сошелся, ничего не предпринимай, обещаешь?

– Я обещаю, только ты пойми меня правильно. У меня очень строгие родители. Они знают, что я встречаюсь с Вадиком два года, естественно, они понимают, что отношения у нас не платонические. Но если я вдруг решусь родить ребенка вне брака, как это будет выглядеть? Как я им все объясню? Родить, не окончив университет, без мужа? Я не смогу. – Она решительно покачала головой. – Ладно, давай пока не будем об этом. Когда ты поговоришь с Вадиком, дай мне знать.

– Конечно, Ирочка, – пообещал Андрей, – я сразу же позвоню, и мы встретимся.

Когда Ирочка ушла, Андрей еще долго не мог прийти в себя. Мозг буквально разрывался на части. Он отчаянно жалел девушку, которую (теперь уже не было смысла скрывать от себя самого) очень любил. Каждая ее слезинка отдавалась болью в его сердце. В то же время гнусное поведение брата давало ему слабую, нет, не слабую – призрачную надежду на то, что, может быть, когда-нибудь он сумеет...

Но Вадим ничего не знает, ему надо сказать. Одно дело – изменить своей девушке, с кем не случается. И совсем другое дело, когда эта девушка ждет ребенка. Это большая разница. Не такая же он гнида, в конце концов, чтобы сделать вид, что его это не касается. А если окажется, что именно такая гнида?

К вопросу о разговоре с братом Андрей решил подойти как профессионал. К допросу свидетеля или подозреваемого он всегда тщательно готовился, это была его любимая часть работы. Он писал подробнейший план, придумывал, в какой момент и какие расставить ловушки. С Вадиком он решил построить беседу таким образом, чтобы он не почувствовал подвоха с самого начала, чтобы не вызвать его агрессии, не спровоцировать ссору. Ведь Вадик и сам не мог не понимать, что он поступил с другом и любимой девушкой не лучшим образом. Поэтому надо было создать у него впечатление, что его готовы понять. Не нужно было огоро-

шивать его известием об Ирочкином визите и сообщением о ее беременности. Сначала нужно получить информацию, действительно ли он отбил девушку у своего друга и что за отношения его с ней связывают. И уже в зависимости от полученной информации двигаться дальше.

Андрей не ожидал, что разговор с братом произойдет прямо сегодня – когда Вадик заявится домой, никому не было известно. Но оказалось, что времени на размышления по поводу предстоящего разговора с братом у него совсем нет. Вадик явился через час после ухода Иры. Андрей уже приготовил себе завтрак, уже успел его съесть и побороть мучившее с утра похмелье. Он мыл за собой посуду, когда раздался дверной звонок. Вадик пришел веселый и сразу же попросил есть.

– Я себе картошку жарил. С яйцами, – сказал Андрей.

Вадик задумался. Чистить картошку не хотелось, да и возиться долго. Андрей понял его замешательство и, чтобы расположить брата к разговору, предложил:

– Я бы пожарил тебе картошку, но это долго, давай, если хочешь, по-быстрому сделаю омлет.

– Ты и правда сделаешь мне омлет? – удивился Вадик. – Что это ты расщедрился? Не обижайся, спасибо тебе большое, ты же знаешь, что на кухне я не особо ориентируюсь.

– Да мне не сложно, – ответил Андрей, доставая из холодильника яйца. – Тебе из трех?

– Давай из трех. А соленый огурчик у нас есть?

– И огурчики есть, и помидорчики.

Кажется, благоприятная почва для братской беседы создана. Вадим расслаблен, не ждет подвоха, самое время поговорить с братом по душам.

Андрей достал мисочку, разбил в нее три яйца и начал:

– Что-то, братец, в последнее время потеряли мы тебя совсем, где ты загулял-то? – спросил Андрей самым что ни на есть непринужденным тоном и даже, кое-как пересилив себя, подмигнул брату.

– Загулять-то я, конечно, загулял, но я не просто так загулял, – заметил Вадим.

Андрей хорошо знал своего брата. Когда у Вадика возникали проблемы или неприятности, он переживал их молча и рассказывал только тогда, когда проблеме удавалось решить, а плохое оставалось позади. Но когда у него случались успехи или происходило какое-то радостное событие, не похвастаться он просто не мог. Положительные эмоции рвались из него потоком.

– А ты не влюбился ли, часом, а, братец? – Андрей, совершенно не умеющий притворяться, сделал вид, что его посетила неожиданная догадка.

Он выложил из сковородки горячий пышный омлет, которого Вадик ждал с явным нетерпением, и приготовился выслушать то, что его на данный момент интересовало больше всего на свете.

– Понимаешь, Андрюха, – закатив глаза и подбирая слова, начал младший брат, – я не то чтобы влюбился, я даже не знаю, каким словом это назвать. Просто я встретил девушку, которая – я точно знаю – моя. Я как только ее увидел, понял – это мой человек. Я не знаю, как это объяснить. Даже дело не в красоте, не в чем-то таком, что видно глазами. Это ощущение какое-то особенное, у меня не было такого чувства раньше никогда. Просто когда видишь человека и знаешь, что это твоя судьба. Ты меня понимаешь?

– Стараюсь, рассказывай.

И Вадим с удовольствием рассказал брату, что с ним произошло за эти дни.

На журфаковский капустник Вадик поехал один, Лешка был уже там, наверно, под видом помощника терся возле своей новой знакомой. Она, как сказал ему друг, одна из главных сценаристов студенческого мероприятия и, кроме того, у нее есть там несколько ролей в капустнике.

После капустника в зале должно было состояться что-то вроде студенческого чаепития с бутербродами. Декан такие сборища творческой молодежи не воспрещал, поскольку сам был практикующий журналист, всю жизнь вращавшийся в полубогемной журналистской тусовке. Разумеется, чаепитие провозглашалось безалкогольным, но было понятно, что за студентами не уследишь: и в пустых коридорах, и за углом здания, и в туалетах будет разливаться спиртное.

Афиша на стеклянной входной группе гласила, что мероприятие начнется в 19.00. Вадим, как договаривались, приехал в половине седьмого. Народу уже толпилось много, Вадик увидел массу знакомых, оказывается, журфаковские капустники пользуются популярностью. Странно, что они с Лешкой их раньше не посещали. Ждать друга он должен был у входа, чтобы не затеряться в толпе, не разминуться и в итоге не смотреть капустник в одиночку. Алексей появился с десятиминутной задержкой, с ходу извинился:

– Уже ждешь? Я тут Лизе немного помогал. Запарился уже по магазинам бегать, тут же сабантуй будет после всего.

– Да ладно, – махнул рукой Вадик, – я и ждал-то всего ничего, давай, знакомь, что ли, со своей красоткой да и пойдем места поприличнее займем.

– Она не просто красотка, она фея, – мечтательно произнес Лешка, – и пока еще не моя. Но я на ней женюсь. Вот увидишь.

– О, забрало-то тебя как, – удивился Вадим, потому что до сих пор у них с другом разговоров о женитьбах вообще никогда не было.

– Постой еще минутку, нам Лиза какие-то блатные места оставила. Ей сейчас не до нас, но я хоть спрошу, куда садиться-то можно, у них распределено уже все: где народ сидит, где предподы, где почетные гости. Подожди, я сейчас...

Но убежать в сторону зала он не успел, потому что неожиданно из шумной студенческой толпы выделилась, вернее сказать, выпорхнула, девушка, одетая во что-то переливчато-фиолетовое, воздушное и коротенькое, и двинулась в их сторону. По Лешкиному лицу, которое приобрело в этот миг отрешенное выражение, Вадим понял, что это и есть та самая Лиза.

– Алекс, ну что ты стоишь? – проговорила она. – У меня сейчас совершенно нет на вас времени, идите в третий ряд, садитесь на первое и второе места, я там предупредила. Да шевелись же, не придете, там быстренько желающие найдутся.

– Спасибо, Лизочка! – воскликнул Лешка. – Вот познакомься, это Вадим, мы уже идем. Девушка подняла на Вадима глаза и деловито сказала:

– Привет, я Лиза, вам пора идти в зал, а то потом не сядете.

Вадик и сам не понимал, что произошло с ним в этот самый момент. Все тело затопил внезапно нахлынувший мощный поток крови, в ушах гулко и часто застучал сердечный ритм. Ладони стали мокрыми, он почувствовал, как из-под мышек в одну секунду заструился пот.

Перед ним стояла высокая тоненькая девушка с осиной талией и стройными длинными ножками, которые открывал для обозрения сценический наряд. У нее были идеально гладкие, ниже плеч, блестящие волосы шоколадного цвета и удивительное лицо: тонкое, правильное, с крупным, выразительно очерченным ртом и ямочками на щеках. Когда она подняла на Вадима глаза, оказалось, что они редчайшего темно-синего цвета. Во всяком случае, он такого оттенка раньше никогда ни у кого не видел. И вообще она была похожа на бабочку – яркую, ослепительно-красивую, хрупкую и неуловимую. От нее исходило ощущение праздника.

– Мальчики, мне пора, – сказала она, слегка улыбнувшись, и упорхнула, как и положено бабочке.

Вадим стоял, не шелохнувшись.

Очнулся он от толчка, которым наградил его друг:

– Ты че застыл, как соляной столб? – весело спросил он, но глаза его при этом были очень и очень напряженными, – пошли, давай. – И он подпихнул друга в сторону зала.

Судя по аплодисментам и хохоту, который сотрясал зал, капустник удался.

Однако Вадим действия практически не видел, шуток не слышал и вообще не понимал, что происходит на сцене. Он следил за полетом бабочки, и сердце его бешено колотилось. Он вообще очень смутно помнил, что происходило в тот вечер, потому что был как в тумане. После капустника представляли авторов, Лизе достался какой-то приз и порция оаций. Зрители постепенно разошлись, остались только «свои» – студенты журфака и несколько гостей. Все болтали, смеялись, жевали бутерброды, по очереди, небольшими группками, чтоб не засекли, бегали на улицу выпить. Была весна, еще весьма прохладно, но студенты выбегали раздетыми: выпить по стаканчику и назад. Вадим не сводил с девушки глаз, и все чаще их взгляды встречались. В какой-то момент они остались на темной улице одни. Он жадно смотрел на Лизу и молчал, первый раз в жизни смутившись перед девушкой. Потом, решившись, взял ее за руку и потащил в раздевалку.

– Где твоя одежда? – спросил Вадим.

– Не здесь, в деканате, я сейчас, – ответила Лиза и куда-то умчалась.

Вадим не без труда разыскал свою куртку. В ту минуту он сказал себе: «Я не знаю, вернется ли она сейчас. Может быть, одежда, оставленная в деканате, – это предлог, чтобы потешаться. Но если она вернется – она будет моей на всю жизнь». Время тянулось мучительно медленно. Он уже думал, что Лиза не придет, когда она впорхнула в холл в элегантном синем пальто и широком шарфе.

Университетский холл они покидали почти бегом, как злоумышленники, скрывающиеся с места преступления. Выбежали на улицу и почти до самой остановки шли быстрым шагом и молча. Университетский корпус от цивилизации отделяла небольшая посадка, через которую была проложена заасфальтированная аллея. Там, где заканчивалась аллея, начинался город: через дорогу – жилые дома, магазины, остановка общественного транспорта.

Они почти дошли до конца дорожки, но под фонарем остановились. Вернее, остановился Вадим, за ним и Лиза. Не говоря ни слова, он развернул девушку лицом к себе, провел рукой по ее гладким волосам и поцеловал. Лиза ответила горячо и охотно. Они целовались и прижимались друг к другу, и ему было непонятно, как он вообще мог раньше жить, не зная этого аромата, не видя этих влажных синих глаз?

Ту ночь они провели у Лизы на даче, благо она была совсем недалеко, в ближайшем пригороде, и у Вадика оказались деньги и на такси, и на шампанское.

Лиза отдалась ему без предисловий, страстно, хотя после первого акта любви все-таки сказала:

– У меня такое первый раз. Чтобы вот так, при первом знакомстве... Да мы и не познакомились-то как следует. Что со мной происходит? Как думаешь?

– Я думаю, что любовь с первого взгляда – это все-таки не художественный вымысел, – серьезно ответил Вадим. – Я, когда тебя увидел, чуть не умер. Я в ту же секунду понял, что ты – моя женщина.

– У меня тоже было какое-то странное ощущение, – призналась Лиза, – раньше такого со мной не случалось. Даже не знаю, как это сказать, каким словом назвать...

– А хочешь, я скажу, что это значит? – перебил ее Вадим. – Это значит, что мы с тобой созданы друг для друга.

Утром он проснулся счастливым, Лизина головка покоилась у него на груди. Весь день они провели, не отрываясь друг от друга. Ели, пили шампанское, занимались любовью, разговаривали. Лиза оказалась остроумной, живой, очень начитанной девушкой, с легким, веселым характером. Рядом с ней Вадиму было легко, радостно и празднично. За один день они стали так близки, будто знали друг друга всю жизнь. А вечером стали собираться. Отец Лизы был главным дирижером симфонического оркестра, мама там же скрипачкой, короткие гастроли не были для них редкостью. Утром родители должны вернуться, и Лизе надо было быть дома, при старшей сестре Алле. За все время, проведенное вместе, они ни разу не вспомнили о Лешке, о

том, как позорно, без всяких объяснений, сбежали со студенческой вечеринки. И только вечером следующего дня Вадик несколько смущенно поинтересовался:

– Лиза, у тебя ведь с Лешкой ничего такого не было?

– Ты имеешь в виду – не спала ли я с ним? Нет, мы для этого были слишком мало знакомы, – ответила она и тут же рассмеялась, вспомнив о том, что с Вадиком-то они и вовсе знакомы не были. Отсмеявшись, Вадик продолжил логическую цепочку, на самом деле просто уговаривая самого себя:

– Значит, не может считаться, что я тебя у него увел? Раз у вас еще ничего не было, значит, я тебя и не уводил? Так или нет?

– Ну, наверное, да, – с сомнением пожав плечами, ответила девушка.

Вадик вздохнул как будто с облегчением, хотя все равно понимал, что момент, когда он увидит своего друга, приятным быть не обещает. И какое-то объяснение между ними все равно должно произойти.

– И потом, – продолжил он, – если бы я сбежал с тобой для того, чтобы просто переспать, тогда другое дело, это было бы подло.

– А на самом деле ты сбежал вовсе не для этого? – поддела его Лиза.

– Для этого, – согласился Вадик, – но это же не конечная моя цель.

– А какая же твоя конечная цель?

– Моя конечная цель – любить тебя и быть с тобой вместе всегда, всю жизнь, – совершенно серьезно ответил он.

Объясняться с Лешкой не пришлось. Друг в драку не полез, объяснений не потребовал, ни в чем не обвинял и уж тем более ни о чем не спросил. При встрече в университете он кивнул Вадике еще издали и резко сменил курс, чтобы избежать прямого столкновения, при котором придется протягивать руку для пожатия. И все. Вадик тоже с откровениями не лез, понятно, что человеку обидно, нужно выждать время, пока он остынет. А потом уже все объяснить. Хотя что тут объяснять? И так все ясно. Все последующие дни Вадик думал только о Лизе, он просыпался с мыслями о ней, с теми же мыслями и засыпал. Каждую минуту, свободную от занятий, они проводили вместе. Вот, собственно, и вся история.

Андрей понял, что никакой вины ни перед Лешкой, ни тем более перед Ирочкой брат не испытывает. Вадике вообще чувство вины было незнакомо. В детстве он особо не шалил, а если и шалил, то его не наказывали и извиняться не заставляли. Учился он хорошо, и чувства вины за плохие отметки у него тоже никогда не было. А теперь? Он плохо поступил с другом, но ведь тому есть объяснение: веское, достойное того, чтобы его уважали. Он влюбился, а в любви каждый человек действует за себя. Так, здесь все понятно, но ведь Вадик должен знать о том, в каком положении находится Ира.

Лично он, Андрей, вообще-то готов был скрыть от брата истину. Вадик счастлив, влюблен, Ира для него – пройденный этап, это уже совершенно очевидно. По уму надо бы не унижаться перед ним, ничего ему не говорить, а сделать Ирочке предложение, и пусть все считают, что ребенок, который должен родиться, – от него, от Андрея. Брат будет только рад, что все так разрешится. И родители окажутся довольны, они любят Ирочку, и при таком раскладе девочка останется, что называется, «в семье». Дело за малым, Андрей горько ухмыльнулся про себя, за ее желанием. А его нет. И не предвидится. Что ж, надо выполнять обещание, данное Ире.

– Вадик, а ты с Ирочкой как-нибудь объяснился? Она в курсе того, что происходит? – начал он.

– Я не думаю, что надо объясняться, – отмахнулся Вадик. – Ну что я ей скажу: Ирочка, прости, я встретил девушку своей мечты? Ну это как-то... Лишнее это. Да я думаю, что она и сама уже все поняла. Мир не без добрых людей, уже небось доложили ей все, что нужно.

– Ну, все-таки вы встречались почти два года, у вас были близкие отношения...

– Ну и что, Андрюх, и что? Что в такой ситуации уникального? Масса людей встречается, потом расстается, что тут особенного? Мне кажется, так легче ей самой. Не думаю, что ей будет лучше, если она от меня услышит то, от чего ей будет больно и неприятно.

– Хорошо хоть, ты понимаешь, что ей будет больно. – Андрей начинал закипать. – Ну и пусть ей будет больно в одиночестве. Ладно. Была бы моя воля, я бы не сказал тебе об этом вообще ни слова. Но я скажу. Есть, Вадик, одно существенное, я бы даже сказал, серьезнейшее обстоятельство, которое обязывает тебя ко многому. Обязывает не просто с Ирой поговорить, а принять важное решение.

– Какое еще обстоятельство? – без особого интереса спросил Вадик.

– Видишь ли, брат, твоя девушка беременна. И имеет полное право знать о твоём отношении к этому факту.

– Что?! – Вилка выпала из руки Вадика, он вскочил со стула, будто его ошпарили кипятком. – Как это – беременна?!

– А ты что, когда спал с ней, не знал о том, что от этого дела вообще-то появляются дети? – Теперь уже и Андрей повысил голос.

По лицу младшего брата было ясно, что он в шоке. Лицо его побледнело. Вадим даже задрожал. Никогда еще жизнь не преподносила ему таких сюрпризов. Вадима охватил панический ужас. Это же катастрофа! Если Лиза узнает, что некая девушка, с которой он встречался два года, ждет от него ребенка, она немедленно прекратит с ним общение, это ясно как божий день. Она сделает так, что Вадим больше ее никогда не увидит. Что же делать?

Андрей не без злорадства наблюдал метаморфозы, происходившие с братом. Удивление, ужас, паника – все эти чувства были крупными буквами написаны на его лице, обычно таком спокойном, улыбчивом, красивом. И тут Вадика прорвало:

– И зачем ты мне это сказал?! Что я теперь должен делать?! Какое решение, по-твоему, я должен принять?! – закричал он.

– Ты взрослый человек, ты должен отвечать за свои поступки, Вадим. Ты два года спал с девушкой, которая тебя любит. В результате этих отношений она забеременела. Ты считаешь, что тебя это не касается? Ты встретил другую, и это достаточный повод для того, чтобы снять с себя ответственность за все, что ты делал до этого? Ты так считаешь? И что будет с Ирой – тебе все равно? Тебе наплевать на человека, с которым тебя столько связывало?

Дальнейшая метаморфоза, произошедшая с братом, удивила Андрея еще больше. Взгляд Вадима сфокусировался в одной точке, губы сжались в тонкую ниточку. Он глубоко вздохнул и ледяным тоном произнес:

– Я не растлитель, совративший невинное пятнадцатилетнее дитя. У Иры были до меня отношения, один парень у нее был или несколько, я не знаю, не спрашивал, но девицей она не была. Она взрослая женщина, которая не меньше, чем я, давала себе отчет в том, какие могут быть последствия от близости с мужчиной. Она мне говорила, что тщательно предохраняется. Ни она, ни тем более я не планировали заводить детей. Я не делал ей предложения и никогда не намекал, что собираюсь связать с ней жизнь. Мы просто встречались, нам было хорошо, и никаких планов мы не строили. Так почему же теперь я должен нести ответственность за то, что с ней произошло? Почему я должен отказаться от любви, от своих личных планов только потому, что Ира вовремя не приняла таблетку или неправильно посчитала свои дни? С какой стати я должен рушить свою жизнь из-за этого? Я что, должен жениться на ней и всю жизнь мучиться с нелюбимым человеком? И ей самой будет приятно осознание того, что я женился на ней из-под палки? Ей самой понравится такая жизнь?

Выслушав это, Андрей подвел итог разговора:

– Ты и разговаривать с ней на эту тему не собираешься? Я правильно понял?

– Андрей, – Вадик саркастически ухмыльнулся, – уж коли я ничего не знаю о состоянии Ирины, а вот тебе известны такие интимные подробности, значит, с тобой она делится более охотно. Значит, она нашла жилетку, в которую можно поплакаться в мое отсутствие. Вот ты сам и скажи ей мое мнение на этот счет. А мне с ней разговаривать не о чем.

На Андрея нахлынула мощная волна гнева, кулаки его сжались, но он не успел ударить младшего брата: тот, предвидя возможный исход разговора, быстрым шагом вышел из кухни. И через несколько секунд громко хлопнула входная дверь.

Пересказать Ирочке свой разговор с братом Андрею оказалось очень и очень нелегко. Да, все подтвердилось, у Вадима другая девушка, он влюблен, строит планы, вины своей не чувствует и никаких решений принимать не намерен. Андрей предвидел реакцию девушки, поэтому попросился для разговора прийти к ней домой, когда она будет одна. Не хотелось, чтобы ее слезы видели прохожие в парке или посетители какого-нибудь кафе, где они могли встретиться.

Но Ира не плакала, она крутила в руках кружку с остывшим нетронутым чаем и молчала. Потом сказала наконец:

– Ну, вот и все. Так я и думала. Я чувствовала, что так все и будет. Значит, решение нужно принимать мне.

И тут Андрей понял: если сейчас он не решится ей ничего сказать, если он сейчас промолчит, то на этом все закончится. Никогда у него не будет больше ни одного шанса. Да и сейчас – это не шанс, а так, что-то призрачное... Но хоть так. Он набрал в легкие побольше воздуха и произнес:

– Ира, есть еще одно решение этой проблемы, о котором ты, конечно, не думала.

– Какое решение, Андрей? – горько вздохнула Ирочка. – Тут может быть одно решение – сделать аборт. Своим родителям я такой сюрприз преподнести не смогу, меня не поймут, меня будут презирать. Нет, я не смогу.

– Есть решение, Ирочка, только выслушай меня, пожалуйста. Я прошу тебя, выходи за меня замуж, и мы с тобой вместе вырастим этого ребенка. И никто никогда не узнает, что я ему не родной отец.

Ирочка подняла на Андрея свои изумленные раскосые глаза:

– Как это за тебя замуж? Зачем такие жертвы, Андрей, ты что?

– Это не жертва, Ира. Просто ты встречалась с моим братом, и я не мог тебе сказать всего... – Андрей был смущен и не знал, как правильно подобрать слова, – ну, в общем, ты, конечно, не могла знать об этом... Я тебя очень люблю, и теперь ничто не мешает мне сказать об этом прямо и открыто. Я знаю, что ты меня не любишь, но ведь и Вадика после того, что произошло, ты вряд ли будешь любить по-прежнему. Так ведь?

– Любить по-прежнему? – пожала плечами девушка. – Конечно нет.

– Может быть, сейчас тебе это кажется невозможным, – продолжил Андрей, – но разве такого не бывает в жизни, что любовь приходит со временем, в ответ на чувства? Может, у нас как раз так все и будет? Я буду любить тебя и нашего ребенка. У нас будет полноценная семья.

Андрей ожидал, что Ирочка поблагодарит его за поддержку, но в вежливой форме, старательно подбирая слова, чтобы его не обидеть, постарается объяснить, что сердце ее разбито, на душе пусто, а выходить замуж без любви она не может, хотя и страшно благодарна ему за все... Но Ира, которая, казалось, даже не удивлена неожиданным признанием, ответила по-другому.

– Почему же? Я могу представить себе, что любовь может появиться не сразу, и мне не кажется чем-то невозможным, что я полюбила бы тебя. Ты добрый, искренний, ты мне всегда очень нравился. Вполне возможно, что я ответила бы на твои чувства. Но как ты себе представляешь нашу женитьбу в текущий момент? Ты только представь себя на моем месте. Мы

с тобой никому ничего не рассказываем, женимся, рожаем ребенка. Я встречалась с Вадиком почти два года, это как раз было у всех на виду. И вдруг я рожаю якобы от тебя и выхожу на тебя замуж? Как я буду выглядеть в глазах твоих родителей? Что скажут мои родители на все это? А Вадик? Я буду членом вашей семьи, рожу ребенка, но он-то будет знать, чей на самом деле это ребенок! Как ты себе это представляешь? Спасибо, Андрей, я очень высоко ценю то, что ты сейчас для меня делаешь, но я так не смогу.

– Мы можем вообще уехать отсюда, – малейшая ниточка слабой надежды не позволяла Андрею остановиться и внять ее доводам, – куда-нибудь в другой город. Я понимаю, что тебе тяжело будет прийти в семью, где находится настоящий отец твоего ребенка, трудно будет встречаться с ним. Наверное, и отвечать на вопросы и своих, и моих родителей тоже будет нелегко. Давай избежим всего этого. Давай уедем туда, где нас никто не знает.

– Андрюша, у тебя здесь служба, я не закончила учебу. Ради чего все это? Ради того, чтобы родился ребенок, который не нужен своему отцу? Я ценю твое желание помочь мне, но не нужно из-за этого рушить все вокруг: семейные связи, карьеру... Не надо, Андрей.

– Ирочка, как ты не понимаешь? – ответил он в отчаянии. – Это не жертва, не помощь, я люблю тебя! И всегда тебя любил. С того самого дня, как ты появилась у нас в доме. Я просто не мог тебе этого сказать.

– Ты знаешь, а я догадывалась, что тебе нравлюсь, – Ирочка улыбнулась впервые за время их разговора, – я понимаю все, что ты хочешь сказать. Но это не выход. За меня не бойся, в прерывании беременности нет ничего сверхъестественного. Тысячи женщин по разным причинам делают это.

Последняя надежда покидала Андрея, Ирочка ускользала... «Это конец, – подумал он, – я ее больше не увижу».

И вдруг она сказала такое, отчего сердце подпрыгнуло так, что Андрей чуть не задохнулся.

– А если ты и правда меня любишь, если нам когда-нибудь суждено быть вместе, – она немного помолчала, грустно улыбаясь, и добавила: – я рожу тебе твоего ребенка. И тогда у нас будет настоящая семья. И я смогу смотреть в глаза и своим, и твоим родителям. И мне будет наплевать на твоего брата. И на то, как он ко всему этому относится. Но для этого мне нужно время.

– Я буду ждать, – ответил Андрей.

Андрей еще некоторое время уговаривал Ирочку подумать, потому что он слышал о том, что не всегда истории с абортами заканчиваются благополучно, особенно если речь идет о первой беременности. Он предлагал свою помощь, можно было попросить друзей посоветовать, где такую операцию сделают наиболее квалифицированно. Но Ирочка отказалась наотрез, заявив, что все решит сама. Кроме Андрея и Вадима, посвящена в тайну была только ближайшая подруга Ирочки – Света, старшая сестра которой нашла каких-то знакомых, организовала консультацию в другом районе города (чтобы, не дай бог, информация о беременности не дошла до Ириной матери), были сданы анализы и назначен день. Точно дату операции Ирочка Андрею не назвала, она вообще сказала, что, пока все не кончится, ей нужно собраться с мыслями и побыть наедине с собой. А уже потом, когда она окрепнет, она сама позвонит, и они обязательно встретятся.

Но окрепнуть Ирочке суждено было очень и очень не скоро. Андрей маялся в неизвестности, когда ему на работу позвонила некая Светлана, представилась близкой подругой Иры Скориковой и попросила разрешения прийти. В обеденный перерыв они встретились в ближайшем от РОВД скверике. Взволнованным голосом девушка сообщила, что Ирочка находится в тяжелом состоянии. Аборт был сделан неудачно, началось обильное кровотечение, пришлось сообщать родителям. Света упоминала какие-то медицинские термины – перфорация матки,

угроза сепсиса, что-то еще. Андрей, находясь в шоковом состоянии, не смог все запомнить. Но суть была в том, что из абортария Ирину перевели в больницу «Скорой помощи» и там еле-еле откачали. Родителям пришлось сообщить сразу же, потому что положение было тяжелым. Сейчас Ира очень слаба, но жизни ее уже ничто не угрожает.

Когда Андрей, примчавшись в больницу, увидел Ирочку, ком встал в горле, и он с большим трудом сдержал слезы. Она была совсем бледненькая, личико осунулось, под глазами залегли глубокие синие тени, носик заострился. Смотрела она отрешенно, будто не видя ничего вокруг, и почти совсем не могла ходить. В ту минуту, кроме жалости к несчастной девушке, Андрей испытал чувство, оказавшееся, на удивление, куда более сильным и острым, настолько острым, что оно ослепляло и мешало дышать, – это была ненависть к брату. Он ненавидел его глухо и исступленно, повторяя про себя только одни слова: «Гадина, чтоб ты сдох».

Несчастье, произошедшее с Ирочкой, быстро и очень сильно сблизило их. Андрей ухаживал за больной, выводил ее на короткие прогулки, потому что боли все не отпускали ее, приходилось заново учиться ходить, передвигалась она мелкими, неуверенными шажками. Он бегал в магазин, на базар, готовил диетические обеды. Родители девушки, которым, разумеется, пришлось все рассказать, были благодарны Андрею, потому что сами были очень заняты на работе, а взять отпуск не было никакой возможности. А у Андрея как раз такая возможность была. Вернее, не отпуск, а больничный, который он раздобыл за флакон хороших японских духов в милицейской поликлинике. Практически все время он проводил с Ирочкой, приходя домой только ночевать и стараясь не сталкиваться в братом. Он понимал, что, если ему все расскажет, если он вообще заговорит об этом вслух, ненависть снова затопит все его существо, и на что он в такой момент окажется способен, он и сам не мог предсказать.

Постепенно тщательный уход и забота сделали свое дело, Ирочка немного окрепла, порозовела, засела за книги и учебники. Она была горячо благодарна Андрею, и их отношения с каждым днем становились все более теплыми и близкими. Андрей боялся строить планы, боялся мечтать, он просто жил, просто заботился о женщине, которая стала ему дороже всех на свете. Он старался не думать о том, что Ира, быть может, все еще любит Вадима, все еще мучительно ревнует его. Он решил – пусть все идет своим чередом. И только одно чувство никак не покидало его, отравляя жизнь, не давая в полной мере насладиться общением с дорогим человеком, – обжигающая ненависть к брату.

Глава 3

Эдуард Грач чувствовал себя неловко даже на любимом заднем сиденье своего шикарного «Мерседеса». Его мучила неизвестность, он был расстроен, раздражен, и давно уже у него не возникало такого отчаянного желания забыть о своем статусе и всем, что ему сопутствовало, и просто дать кому-нибудь в морду. От души, сильно, вкладывая в удар всю злость и желание отомстить. Да не кому-нибудь, а тому, кто вызвал в его четко организованном мозгу такую не свойственную ему сумятицу.

Сейчас он заканчивал отдавать указания своему начальнику службы безопасности. В принципе все вопросы уже были сформулированы, сейчас нужно было только правильно расставить акценты, определить главные направления поиска, решить, с чего именно начинать и что нужно делать срочно, а что – во вторую очередь. Закончил указания он следующим образом:

– Витя, меня интересует, не было ли это спланировано против меня лично. Если так, мы изменим тактику поведения, и вообще наше расследование пойдет другим путем. Выясни это по возможности быстро, информация даже в первом приближении сгодится для работы.

Эдуард выслушал мнение начальника службы безопасности, высказанное по телефону, и ответил так:

– То, что у меня много врагов, я и без тебя знаю. Но от конкуренции и вражды до убийства – большой путь, мы бизнесмены, не бандиты, если кто-то в нашем окружении решил вернуться в девяностые, это надо остановить... Я понимаю, что это сложно, но ты творчески подойди. Поработай сам, пусть твои бывшие опера со своей агентурой посотрудничают. Все будет соответственно оплачено, я дам тебе хороший бюджет, составь смету, принеси лично мне, я все подпишу.

Эдуард отключил телефон. Ему нужно было как можно скорее найти ответ на вопрос: против кого совершено это преступление? Против Вадима, который что-то сделал не так, или против него лично? Поняв это, он сможет двигаться дальше.

Эдуард Грач был одним из самых успешных предпринимателей города. Правильно говорят, что к бизнесу имеет склонность не каждый, умение делать бизнес – это тоже талант. Одни же умеют петь, а у других нет голоса. Одни пишут гениальные картины, а другие вообще рисовать не умеют. Так же и в бизнесе: есть люди, которым присущ определенный склад ума, нацеленный на зарабатывание денег. Эдуард Грач, недавно перешагнувший 40-летний рубеж, не все в своей жизни делал абсолютно законно, но незыблемые правила у него были – никакого насилия, никакого обмана. Людей не нужно заставлять, а уж тем более – пытаться, убивать, вывозить в лес... Людей не нужно обманывать, «кидать», поселяя в них ненависть и желание отомстить. Умный человек действует другим путем – договаривается. Людей нужно заинтересовывать. И Эдик умел договориться со всеми. С чиновниками, ментами, проверяющими инстанциями, депутатами, журналистами, общественностью... У него было два дара: уметь делать деньги и уметь договариваться. В последние годы предприятия, которыми он владел, постепенно стали объединяться в единый холдинг, причем каждое предприятие имело свой банковский счет, своего руководителя. Мало ли что...

В отличие от других бизнесменов города, стремившихся засветиться у сильных мира сего, он не любил ходить на «высочайшие» тусовки, не считал нужным вместе с другими толпиться в приемных в дни генеральских именин. Он не посещал благотворительные губернаторские балы, не светился на телевидении. Посмотреть со стороны – он вообще не имел никакого отношения к местной политике и городскому бомонду. Но такая точка зрения была ошибочной. Эдуард Грач не принимал участия в политике сам. Лично. Но значительная часть политики города и области делалась на его деньги. Так ему было удобнее. Как ни странно, притом что Грачу очень многие завидовали, а некоторые даже его ненавидели, он имел безупречную репутацию. Он никогда не нарушал договоренностей – это была визитная карточка бизнеса Эдуарда Грача.

...Эдик вышел из «Мерседеса», вдохнул свежий воздух, постарался собраться с мыслями. Из джипа, на котором следовала охрана, вышли двое парней и стояли, оглядываясь, неподалеку.

Пока что в голову Эдуарда Грача лезли только две неприятные мысли: либо его продал мэр, который решил сыграть ту же бизнес-партию на землях Северо-Восточного района, но уже с другим партнером, а Вадим, как его человек, являлся этому помехой... Либо Вадим сам где-то преступил черту... Но Краснов был слишком осторожен, умен, расчетлив, в такую версию верилось с трудом. Вернее, совсем не верилось.

Официальное прощание с Вадимом Красновым должно было состояться в полдень в здании городской администрации. За членами семьи Эдуард решил заехать сам. Катя, Лиза и Борис Анатольевич поедут с ним в одной машине, а его собственная семья приедет сразу в мэрию из дома. Брат покойного Андрей и его жена Ирина находятся здесь, но поедут в своей машине, так они решили.

Когда Эдуард вошел, в квартире ощущался запах каких-то капель, Борис Анатольевич при его виде заплакал, и вообще он был плох, постоянно вытирал воспаленные красные глаза,

глотал таблетки. Было видно, что держится он из последних сил. Опекала и поддерживала его жена Андрея Ирина. Лиза, даже в трауре – в длинной черной шелковой юбке, в тонкой черной водолазке, – выглядела потрясающе. Эдуард всегда восхищался ею. В сорок лет ей нельзя было дать больше тридцати трех. Как-то она ухитрилась сохранить гладкую, без морщинок, кожу, идеальную фигуру без единого лишнего килограмма. У нее и сейчас овал лица, шея – как у девушки. Великолепная женщина! Едва ли не самая популярная телеведущая в их городе, умница, красавица. Вадим любил ее, баловал, возил на модные курорты, дарил дорогие вещи. (Да и разве такой женщине можно подарить что-нибудь дешевое?) На мгновение Эдуарду показалось, что в глазах Лизы он прочитал не столько скорбь, сколько страх... А ведь точно, у Лизы глаза испуганного человека. Может, Вадиму все-таки угрожали, и теперь она боится за себя и за Катю? Обязательно нужно с ней поговорить. Наедине, когда никто не будет мешать.

Народу проститься с Красновым, как и ожидалось, пришлось очень много. У здания мэрии стояли машины с эмблемами всех областных телеканалов. Здесь, не говоря о родственниках, были многочисленные сотрудники администрации, сокурсники, знакомые, бывшие клиенты, друзья Лизы, подруги Кати, коллеги Бориса Анатольевича, пришедшие оказать ему поддержку. Руководитель следственно-оперативной группы Сергей Алексеевич Поповкин придавал большое значение посещению процедуры официальной панихиды. Проработка бумаг погибшего пока никакого результата не дала, мотив не усматривался. Документы, выходившие из кабинета вице-мэра, пока не вызывали сомнений в их законности, явных признаков лоббирования каких-то определенных структур не имелось. Единственной подобной структурой был холдинг «Высота», в интересах которого был, по имеющимся данным, заинтересован сам Краснов, но тут мотив искать было бессмысленно. Искать надо среди противников и конкурентов холдинга. Таковые, безусловно, имелись, но признаков «закошмаривания» кого-либо со стороны Краснова не наблюдалось. Ну, мало ли строителей в миллионном городе? Есть свой рынок, на нем непременная конкуренция, но чтобы убивать? Ладно бы, если бы убийство произошло накануне каких-нибудь торгов, аукциона или чего-нибудь в этом духе, еще куда ни шло. Была бы версия, было бы поле, можно было бы работать. А тут... тухлятина какая-то. А ведь в эту тухлятину его, Сергея Алексеевича, будут тыкать мордой каждую минуту. Причем все: и руководитель следственного комитета, у которого дело на личном контроле, и прокурор области, и губернские власти, и городские начальники, и журналисты... все будут ждать результата, торопить. Шутка ли: убит вице-мэр, такое в их городе не только на его памяти, а и вообще происходит впервые. Словом, на поверхности никакой пригодной «служебной» версии не было, тут надо копать глубже, возможно, Вадим был не конечной целью убийцы, возможно, он стал разменной монетой в чьей-то игре.

Объем, в общем, колоссальный, и давление будет нешуточное. Но дело даже и не в том, что будут давить и теребить ежесекундно, просто Сергей Алексеевич, один из лучших следователей области, привык свою работу делать тщательно, добротнo, не упуская никаких деталей, вникая во все мелочи. И вообще он был убежден, что в деле раскрытия преступления, особенно такого, как убийство, мелочей не бывает. Все важно, все может пригодиться. Любая мелкая деталька может на поверку оказаться важной, если не решающей, от которой может потянуться ниточка, ведущая к распутыванию всего клубка. Поэтому он встал поближе к группе, которую образовали самые близкие: отец убитого, вдова, ее родители, дочь, сестра Алла, брат Вадима Андрей с женой Ириной, Алексей Гордеев, ближайший друг Краснова, Эдуард Грач с женой. Отдельную группу составляли высшие чиновники города: мэр, его замы, главы районных управ, руководители департаментов, были представители и от областного руководства. Дальше шла вся остальная публика, которая его интересовала меньше, но которую тоже из виду упускать нельзя. Мало ли?

Особой надежды на то, что он увидит или услышит что-то интересное, Сергей Алексеевич не имел, но все равно пока оперативники отрабатывают близкое окружение на предмет

имеющегося у всех алиби, пока идет отработка возможных мотивов, пока по его поручениям читают официальные бумаги и опрашивают всех, кто может иметь хоть какую-то информацию о связях жертвы... Пока продуктивных идей все равно нет. Пока не помещает понаблюдать, что за люди эти Красновы и иже с ними. Может, что-то и придет в голову.

Лица у всех присутствующих были сосредоточенные, хмурые.

Внимательно вглядываясь в них, следователь не замечал ни в одном признаков злодательства, удовлетворения, тщательно скрываемого торжества. Похоже, на работе к убитому и вправду относились хорошо. Мэр выглядел очевидно расстроенным, Грач производил впечатление человека, который очень хочет непременно и прямо сейчас сломать кому-нибудь шею... Андрей Краснов, брат погибшего, не был похож на убитого горем брата, но ведь он сам следователь, с такими вещами, как страдание и смерть, сталкиваться привык ежедневно. Профессиональная деформация уже сказывается, наверное. А его жена – Ирина? Он уже знал, что Ирина Скорикова в студенческие годы была возлюбленной Вадима Краснова, встречалась с ним около двух лет, а потом их дорожки разошлись в разные стороны.

Кто тогда кого бросил? И имеет ли вообще это какое-то значение сегодня? Вряд ли. А уж на предмет, кто кого бросил, Сергею Алексеевичу было все ясно: Ирина Краснова, бывшая Скорикова, конечно, женщина, интересная, никто не поспорит. Глаза раскосые, голубые, с какой-то чертовщинкой – косая она, что ли? – высокие брови, одним словом, интересное лицо. И фигуру к сорока годам она сохранила образцовую, не расплылась, не обабилась, как многие рожавшие женщины. (В семье старшего Краснова детей не было.) При всем при этом сравнивать ее с Елизаветой Красновой было совершенно невозможно. Ирина интересная женщина, Лиза – красавица, а это не одно и то же. И при взгляде на этих двух женщин почти одного возраста было слишком понятно, насколько разная у них жизнь.

Ире под сорок, но на все эти «под сорок» она и выглядит, ни днем моложе. Да, стройная, волосы пока пышные, но покрашены плохо, дешево. Посмотреть еще внимательнее – и видно, что морщинки вокруг глаз уже имеют место быть давно, и борьба с ними если и ведется, то не очень успешная или просто не теми средствами. И щеки уже выдают возраст, какие-то они опавшие, не упругие, одним словом. Ножки стройные, и туфельки изящные, но опять же недорогие... да что там – простенькие, если уж прямо говорить. И вся прочая одежда тоже, хоть и со вкусом подобрана, но куплена явно не в бутиках. Но даже не это главное. Главное, наверное, в глазах. Глаза у Ирины Ивановны злые. Очень странные глаза.

Елизавета – птичка совсем другого полета. Нет, не птичка – жар-птица, так было бы вернее ее назвать. Ей не «под сорок», ей ровно сорок лет, но если этого не знать, никогда не дашь ей ее возраста. Даже в траурной одежде она производит неизгладимое впечатление. Тонкая, изящная, головка посажена, как у французской принцессы, волосы шоколадные, густые, гладкие, как шелк. Даже на похоронах собственного мужа Лиза Краснова производила впечатление случайно и невпопад спустившейся на земную почву экзотической птицы. Вон какие глаза у нее синие, и осанка, и темно-серые крупные жемчужины в ушах как ей идут, а струящийся по телу черный шелк... Нет, Лиза – непростая женщина, это женщина-мечта, женщина-сказка. Таких, как она, немного. А ведь за такую, внезапно подумал Сергей Алексеевич, вполне могут и убить.

Сергей Алексеевич задумался, буквально какую-то минуту сознание его витало в каких-то далеких воспоминаниях, а глаза отвлеклись от картины, которую он наблюдал, поэтому он даже не понял, откуда взялась девочка лет, наверное, семи-восьми, с которой отошла от группы родственников Катя Краснова, держа малышку за руку. Девочка пришла сюда не одна, отвлекшийся на минуту Сергей Алексеевич заметил, что Кате ее передала высокая блондинка, которая сама вперед не лезла, а, наоборот, старалась затеряться в толпе прощающихся. Блондинку Сергей Алексеевич не знал. И что за девочка – тоже не имел представления, может, вообще какая-то совсем посторонняя и ненужная фигура, но Катя уж как-то очень крепко держала ее

за маленькую ручку, а потом последовал совсем неожиданный жест – ласково погладила ее по беленькой головке и прижала к себе. Сергей Алексеевич попробовал подойти поближе, потому что видел: Катя что-то говорит девочке, но читать по губам он не умел, а знать было очень интересно. Конечно же, он опоздал, Катя выпрямилась во весь рост и сказала уже не девочке, а куда-то в скорбное пространство: «Ну, вот теперь ему можно простить все».

Вот это да! Вот это номер! Странно, если не сказать больше. Блондинка, которая пришла с девочкой, явно была не из одной компании с друзьями убитого, ни с кем не здоровалась, ни с кем не разговаривала. Когда-то она, видимо, была хороша, но сейчас являла собой довольно жалкое зрелище женщины, отчаянно борющейся за жизнь, но изо всех сил пытающейся не дать окружающим подумать о себе именно это. Черты лица правильные, чисто славянские, но лицо осунувшееся, под глазами тени, резко выделяются носогубные складки. Когда-то, наверное, была красавицей... Она подошла ближе к тому месту, где располагался гроб с покойным. Протиснулась сквозь строй клерков администрации и долго-долго смотрела на мертвеца, будто вела с ним какой-то свой, никому не слышимый разговор.

Да, не зря он посетил сие мероприятие... Сергей Алексеевич, готовый долго и мучительно выслушивать траурные речи и в принципе не очень надеющийся на то, что здесь что-то может дать толчок его идеям, просто опешил. Ничего себе! Появляется какая-то не очень молодая блондинка с ребенком, девочку берет за руку Катя, дочь убитого, говорит о том, что теперь ему – то есть покойному – можно простить все. Сжимает ручку ребенка, держит рядом с собой. А блондинистая мадам? Кто такая? Узнать срочно! Эта женщина здесь появилась не просто так, и у здания администрации на такой случай предусмотрительно дежурит оперативник из угрозыска, Костик Дьяков, надо срочно дать ему поручение, пусть проедет за женщиной и установит личность. Он толковый, ему двух слов, сказанных по телефону, будет достаточно.

Сергей Алексеевич взволновался, чуя что-то особенное, но как следует обдумать не успел, прощальная процедура преподнесла ему еще один сюрприз. Во второй раз его огоршила уже вдова. Что же это такое? Стояла себе у гроба, как положено всем скорбящим, слегка опираясь на руку Эдуарда Грача, другой обнимая вернувшуюся дочку Катю. Хотя было видно, что поддерживать ее не нужно, она падать в обморок не собирается. Стойкая женщина. Что-то в ее облике показалось следователю не таким, как надо, не таким, как бывает на похоронах любимого мужа. Она, конечно, прекрасно выглядит (телезвезда все-таки, у всех на виду, надо себя соблюдать – это он понимал). Но лицо у нее хоть и мрачное, но не скорбное какое-то. От горя женщины плачут или тупеют, впадают в ступор. А она не плачет, стоит с сухими глазами, но, кажется, очень сильно нервничает. Теперь он понял: в ее поведении, в мечущемся из стороны в сторону взгляде, в постоянном, непрекращающемся судорожном движении холеных тонких пальцев читается не горе – страх! Конечно, страх! Лиза напугана, она чего-то боится. И страха в ней сейчас явно больше, чем горя. Может быть, все-таки Краснову угрожали? Но она боится об этом говорить? А это еще что? Внезапно рука Елизаветы так судорожно сжала руку дочери, что та чуть не вскрикнула от боли и повернулась с вопросом: «Мам, ты что?» Но поняв, куда устремлен взгляд матери, прикрыла рот рукой. Лиза вдруг резко побледнела, глаза ее заметались. Кто ее так напугал? Сергей Алексеевич Поповкин увидел только одно лицо, которое могло вызвать такую странную и бурную эмоцию. Далеко, но прямо напротив вдовы остановился молодой человек, одетый не официально и не траурно. Высокий, черноглазый, красивый брюнет, на вид лет 25. С вдовой продолжало происходить что-то очень странное: ноздри ее судорожно дергались, а губы двигались в попытке беззвучно что-то произнести. Что за слово она хочет сказать? Что за команду ему подает? С третьей попытки Сергей Алексеевич понял, что она пытается сказать молодому человеку, стоящему напротив. Да, точно, так и есть, она говорит ему «уйди». Да, если он сейчас не уйдет, она упадет в обморок, подумал следователь. Но красивый юноша не торопился, постоял, потом наградил вдову еще одним долгим пронзительным взглядом, после чего наконец-то решил прекратить пытку. Ушел.

Ну и дела! Похоже, в этой семейке столько скелетов в шкафу, что разбираться и разбираться.

Установить личность светловолосой дамы, посетившей процедуру прощания, оказалось несложно, Костя Дьяков справился с поручением быстро, следовательно, как всегда, остался им доволен. К следующему утру Поповкин знал об этой женщине если не все, то почти все.

Глава 4

Ольга Иванникова с самого детства обещала стать настоящей женщиной. Женщиной до мозга костей. Она не лазила по деревьям, не возилась в песочнице, зато, еще будучи маленькой девочкой, знала, для чего нужны мальчики – нести портфель, достать нужную книжку или пластинку, купить мороженое... Оля не без вздоха сожаления осознавала, что нужно учиться в школе, что нужно – хотя и очень не хочется – закончить какой-то институт. При этом она считала, что это необходимо не столько для ее саморазвития или карьеры, о которой она никогда и не думала, сколько для того, чтобы просто не быть белой вороной, не выглядеть хуже и глупее других, чтобы на нее не смотрели как на дурочку, не способную осилить учебу в вузе. Но судьбу свою она видела совсем в другом.

Ей нужен успешный, перспективный муж, который не будет пить и скандалить, а будет делать карьеру и обеспечивать семью.

Ольга мечтала о доме, о том, каким уютным и теплым она его сделает, о детях, которые вырастут послушными и талантливыми. На статную высокую девушку заглядывались многие, случались отношения, но Оля понимала, что все это не то... Если уж выходить замуж, то за такого, который будет отвечать всем ее требованиям. Влюбляться она себе не позволяла, от этого неизвестно что ждать, мало ли в кого влюбишься... Нет уж, судьбу непутевой влюбчивой мамы, оставшейся одинокой с двумя дочерьми от разных отцов на руках, ей повторять не хотелось. И она ждала.

Пережив несколько не оправдавших надежд романов, она все-таки вышла замуж, когда ей исполнилось двадцать пять. С Виталием Леонидовичем судьба свела ее, когда у девушки начались внезапные сильные головные боли и ее положили в областную больницу с подозрением на арахноидит. Устроиться в областную больницу, и именно в спецотделение, помогла подруга, у которой отец заведовал кафедрой в медакадемии. Отделение предназначалось исключительно для блатных, палаты были в худшем случае двухместными, лечение бесплатным, а пациенты являли собой сплошной городской бомонд. Заведующий отделением Виталий Леонидович Слепцов сразу привлек Ольгино внимание. Высокий, интересный мужчина 35 лет, кандидат наук. От девушки не укрылось, что из больницы он уезжает на добротной иномарке, обручального кольца на руке не носит. Оля поняла, что это и есть тот мужчина, которого она ждала. У него было открытое приятное лицо, он умел шутить, был добрым и щедрым. Они поженились через полгода после знакомства, их роман был бурным, радостным и обещал долгую и счастливую семейную жизнь.

Ольга не обманулась почти ни в чем. Скоро ее муж значительно продвинулся в карьере: его брат, высокопоставленный чиновник от медицины, открыл собственный клинико-диагностический центр и назначил Виталия главным врачом. Вскоре Олин супруг купил трехкомнатную квартиру в центре города, Ольга бросила работу, которую по большому счету и работой-то было назвать нельзя, и полностью посвятила себя благоустройству нового жилья.

Хотя Виталий много работал и сильно уставал, он был сексуально активен, всегда имел хорошее настроение и желание пошутить, обожал жену, с большим удовольствием делал ей подарки. Оля могла бы считать себя абсолютно счастливой женщиной, если бы не одно «но»... Она никак не беременела. Сначала она вообще не заводила разговоров на эту тему, потом стала осторожно спрашивать мужа-медика, что может быть причиной такой ситуации. Виталий

старался уходить от этой темы, но через некоторое время все же признался: на самом деле очень возможно, что все дело в нем самом, в последствиях перенесенного ранее заболевания. Но медицина развивается семимильными шагами, надо подождать, в конце концов, она еще очень молода...

Такой вот рок – главных мужчин своей жизни Ольга Иванникова встречала, находясь на больничной койке. Головные боли после перенесенной болезни ее мучили только по осени, и муж настаивал, чтобы Оля своевременно ложилась в его бывшее отделение, получала необходимые физиопроцедуры, капельницы с необходимым лекарством, тем более что и без сезонных обострений сосудистые спазмы случались у нее довольно часто. Его это беспокоило. Оля, когда муж требовал немедленно лечь на «техосмотр», не возражала.

Был изумительный солнечный сентябрь. Стояло настоящее бабье лето. Почему-то именно в это прекрасное время года, при повышенном атмосферном давлении, у Ольги начала болеть голова. В больнице ее быстро приводили в чувство, и жизнь снова казалась легкой и радостной. Она пробыла в отделении дня два, когда там появился Вадим Краснов. Спецотделение областной больницы отличалось от прочих тем, что там лежали терапевтические больные разного профиля, единственное, что их объединяло – это статус. Просто так туда было не попасть. Ольга находилась там на правах жены бывшего заведующего, сохранившего все необходимые связи и контакты.

У Вадима Краснова опух и сильно болел коленный сустав правой ноги, он хромал, лечился, имея страдальческий вид, но молодую женщину из 7-й палаты заметил, несмотря на боли, сразу же. Со второго дня пребывания стал здороваться. Сначала подчеркнуто вежливо, потом заинтересованно, глядя прямо в глаза. В общем, через три дня его пребывание поблизости стало Олю смущать. И смущать нешуточно.

Перед выходом из палаты она стала тщательнее обычного причесываться, пудриться, подводить глаза, дорогой уютный халат, в котором она ходила, она сменила на новый спортивный костюм, идеально облегавший фигуру. Выходя в коридор, она искала Вадима глазами, и когда не находила, расстраивалась, как дитя. Дело в том, что, дожив чуть не до тридцати лет, Оля Иванникова никогда не влюблялась, она вообще не знала, что это такое. И тут вдруг какое-то новое состояние... Неужели это оно, то самое?

Впервые в жизни она по-настоящему захотела мужчину, именно этого сероглазого шатена со слегка горбатым носом и ироничным изгибом губ...

Ей вдруг мучительно захотелось почувствовать его запах, погладить его грудь, запустить руку в его волосы... Все эти мысли сопровождало настолько явственное половое возбуждение, что ей делалось даже страшно. Что это с ней такое происходит?

Пока она размышляла, в дверь ее палаты тихо постучали.

– Войдите, – отозвалась на стук Ольга.

В дверях показался Вадим Краснов. С легкой улыбкой на губах, под курткой спортивного костюма он прятал бутылку вина.

– Не могу заснуть, – сказал он, улыбаясь, – все время думаю о вас, Оля. Я, конечно, от себя не ожидал, но факт есть факт. Что будем делать?

Перед ней стоял он – такой красивый, такой доступный. Только протяни руку, и ты ощутишь тепло его кожи, его запах, сделай движение – и ты узнаешь вкус его губ...

Движение было сделано. И Ольге открылся совершенно новый мир. Впервые в жизни она поняла, что такое любовь.

Вообще-то Вадим не изменял Лизе, но тут дал слабину. Когда он увидел Олю впервые, он даже удивился, чем она ему так понравилась? Он так привык к Лизиной красоте, к тому, что женщина должна быть воздушной, изящной, с узкими бедрами, тонкими запястьями и щиколотками, задорно торчащей, небольшой грудью, которая легко помещается в руке. Ольга

была совсем другой. И не только внешне. Лиза – веселая, остроумная, ни минуты не сидит на месте, любознательная, ее все интересует, у нее миллион знакомых... Ольга – полная ей противоположность. Широкие бедра красивой формы, высокая большая грудь. Она, пожалуй, несколько медлительная, наверное даже ленивая, но сколько в ее медлительности неподдельной, не имитируемой женственности! Ну что он, в конце концов, не мужчина? Разве не может ему понравиться какая-то женщина?

Оля очень боялась, что после больницы ее роман с Вадимом может закончиться. Но ее страхи не оправдались, они стали встречаться и после.

Как ни прискорбно, Оля понимала, что как бы хороша в целом ни была ее жизнь, но с появлением Вадима она приобрела диссонанс. И заключается он в том, что она живет с одним человеком, а любит другого. А в том, что она любит Краснова, у нее сомнений уже не было.

Виталию Леонидовичу Слепцову дался нелегко вывод о том, что жена ему изменяет. Может, он еще долго продолжал бы оставаться в счастливом неведении, если бы Ольга была талантливой лгуньей, имеющей в этом деле хоть какой-то опыт. Но правду же говорит народная мудрость: не умеешь врать, не ври, тем более когда ложь можно проверить. Взглядом медика он определил у жены ранний токсикоз, о котором жена молчала, скрывая внезапные повывы рвоты за шумной струей воды.

Перед тем как поговорить с женой, Виталий Леонидович не спал всю ночь. Была еще одна маленькая надежда: а вдруг Ольга по-прежнему любит его, у нее нет никакого любовника, а просто она решилась на этот шаг, чтобы забеременеть и родить, понимая, что от него детей у нее не будет? И сделав это, боится объяснить ему свой поступок, не знает, как это сделать?

Ровно в восемь утра он набрал номер своей приемной и сказал секретарше, что в первой половине дня его не будет точно, а к обеду он перезвонит и скажет, какие у него планы на дальнейшее время.

– Привет, – поздоровалась Оля, заметив приближение мужа, – ты провел ночь в кабинете? Ты что, совсем не спал?

– Спал, часа два, наверное, – ответил Виталий.

– Работы много? – Оля не поднимала на мужа глаз.

– Оля, я не ученый, мне незачем работать по ночам, – спокойно ответил муж, но по тону его было件нятно, что намечается серьезный разговор, – я думал о тебе, о том, что происходит, и о том, как нам с тобой быть дальше. Ты не находишь, что нам пора объясниться?

Ольга пожала плечами, повернулась к нему лицом. Вид у нее был, как у затравленного зверька – жалкий и испуганный.

– Я понимаю твое состояние, ты себя плохо чувствуешь, у тебя токсикоз. – Он увидел, как жену передернуло от впервые произнесенного вслух страшного слова, и продолжил: – Но все равно нам нужно объясниться. Ты скрываешь свою беременность, но это глупо, Оля, я же врач.

– Я ничего от тебя не скрываю, – прошелестела она.

– Хорошо, не скрываешь, но ведь и не говоришь мне об этом. Ты так хотела ребенка, наконец-то ты забеременела, ты должна быть на седьмом небе от счастья, ты должна была бы мне все уши прожужжать. Я хорошо знаю тебя и представляю, как бы ты себя вела. И я хорошо понимаю, что есть одно «но». Ты бы так себя вела, если бы была абсолютно чиста передо мной, если бы я был единственным мужчиной в твоей жизни и ты была бы уверена, что я отец этого ребенка.

Оля молчала, и Виталию Леонидовичу все тяжелее становилось смотреть на нее.

– Оля, мы прожили с тобой не один день, я никогда и ничем, надеюсь, не обидел тебя. Разве я заслужил, чтобы ты так со мной поступала? Почему ты не можешь прямо и честно ответить мне на вопрос: у тебя есть другой мужчина?

– Ты действительно не отец этого ребенка, прости. Так все получилось, я не хотела, я не виновата, я не могла это контролировать, я ничего не могла с собой сделать, это было выше моих сил, – сказала Ольга, и теперь уже слезы полились из ее глаз сплошным потоком.

Виталий уже понял, что услышал самое страшное, и подошел к жене, поднял ее голову, заглянул ей в лицо. Ее плечи сотрясались от рыданий. «А ведь я, наверное, в последний раз прикасаюсь к ней», – подумал он.

В этот момент Виталий не испытывал ни ненависти к неверной жене, ни бешеной ревности. Ему было мучительно жаль расставаться с их жизнью, совместными завтраками и ужинами, их уютным сидением перед телевизором, с их увлекательными поездками за границу, их ночами, полными страсти и нежности. Он испытывал боль, разочарование, жалость и к ней, и к себе.

Возвращаться Ольге было некуда, в квартире бабушки, где она жила с 15 лет, уже поселилась ее младшая сестра. Виталий Леонидович знал это и предложил Ольге вернуться в его прежнюю холостяцкую двухкомнатную квартиру, не выгонять же беременную женщину на улицу, какой бы предательницей она ни оказалась. Ольга, разумеется, согласилась.

На прощание он сказал ей только три слова:

– Ты меня разочаровала.

Оля осталась совсем одна. Сначала просто лежала в темноте, без всякой мысли, потом встала, прошлась, вспоминая свое старое и уже подзабытое жилье. На каких условиях она здесь, было пока неясно, она Виталия не спросила, неловко было. Подарит ли он ей эту квартиру или просто разрешит жить на птичьих правах?

Как бы ни было, а теперь надо думать о будущем.

И теперь все ее мысли устремились к Вадиму. Его телефон был отключен, Оля металась, набирала номер по несколько раз в день, но результат был все тем же. Ее любимый находился за границей.

В конце концов, что Бог ни делает, все к лучшему, думала Ольга. Нехорошо жить во лжи, Виталий добрый, хороший человек, очень нечестно его обманывать. А обман налицо: она по-настоящему любит Вадима и ждет от него ребенка. Все не так уж плохо. Да, разрушена удобная жизнь, но зато из нее исчез мучивший Ольгу диссонанс: теперь она будет только с тем, кого любит. И не будет больше краснеть от стыда при необходимости лгать. Было, конечно, некое неприятное чувство, вернее неприятный вопрос: на какие деньги она будет жить? Профессии в руках нет – не пойдет же она, согласно своему диплому, работать в школу. Ну да ладно, в конце концов, Вадим очень много зарабатывает, он умный, он подумает о том, как ее обеспечить, для него это не проблема. Скорее бы он уже приехал...

Наконец этот день настал, Оля дозвонилась до любимого и пригласила в гости, сказав новый адрес. Она не стала уточнять, что она теперь здесь живет, пусть Вадик сначала подумает, что она нашла новую посуточную квартиру, более приятную и хорошо обставленную. Такие новости, какие были у нее, надо сообщать, глядя человеку в глаза. Но главное, он здесь и очень скоро она его увидит.

Оля старалась, готовясь к встрече, Вадим должен почувствовать, что та прежняя преступная связь – в прошлом и теперь их будут связывать совсем другие отношения. И сама она должна выглядеть безупречно, но не так, как раньше, а по-домашнему. Ольга надела обтягивающую трикотажную майку и джинсы, посмотрелась в зеркало и осталась собой довольна.

Она положила на столик большое блюдо с бутербродами, поставила в середину крохотную вазочку с букетом полевых цветов и стала ждать. Когда она увидела, как джип Краснова останавливается во дворе, сердце ее учащенно забилося. Вот он вышел из машины, неся в руках полный пакет и обязательный букет цветов, прикинул, в какой подъезд ему идти, вынул из кармана пиджака листочек с записанным кодом.

Вадим ворвался в квартиру сияющий, загоревший до бронзы, с неизменной улыбкой на губах и радостно сжал Олю в объятиях. И она сразу же забыла о своем неудавшемся замужестве, о Виталии Леонидовиче, обо всех проблемах, которые беспокоили ее в последние дни. Да и какие могут быть проблемы, когда рядом Вадик – красивый, любимый, нежный, а больше ей ничего не нужно.

– О, тут у тебя и бутербродики есть, – заметил он, – это здорово, я есть хочу. А я принес только конфеты и фрукты. Слушай, какая приятная квартирка, как будто жилая совсем. Мы с тобой ни разу не видели посуточных квартир с такой мебелью, правда?

Оля села напротив него, взяла свой бокал с шампанским, внутренне приготовилась и сказала:

– Да она и не посуточная.

– Вот как? Это чья-то квартира, да? – спросил Вадик, поедая бутерброд с икрой и запивая его своим любимым коктейлем из шампанского и кампари.

– Вадик, я теперь здесь живу.

– Как это? – удивился он. – Ты что, от мужа ушла, что ли?

– Ну, не сказать, чтобы это я сама от него ушла. – Оля горько усмехнулась. – Это он меня сюда определил.

– Ничего себе, ну и дела! – Краснов даже жевать перестал, так удивился. – Ты ж говорила, что он так тебя любит, трясется над тобой... Да, не ожидал я. Что же он, любовницу себе завел, а тебя выгнал? Ну и козел же он, а ты говорила, что такой, мол, человек приличный.

– Он приличный, Вадик, он не козел, – попыталась защитить мужа Оля. – И любовницу он не завел, это я любовника завела, вот потому здесь и оказалась.

– Подожди, что-то я не понял. – Вадим нахмурился. – Кого это ты себе завела? Что за любовник?

– Да что ж тут непонятного-то? Тебя завела, – сделав акцент на слове «тебя», ответила Оля.

– Так он что, про нас узнал? – Лицо Вадима с каждой минутой становилось все более удивленным и недовольным. – Как ты могла это допустить? Ольга, ты же взрослая женщина, ты что?

– Вадик, пойми, он бы никогда не узнал, если бы... – она замялась.

– Если бы что?

– Я же говорила тебе, что он считает, что не может иметь детей, у него проблема с этим после какой-то детской болезни? – осторожно начала Оля.

– Кажется, говорила. – Взгляд Вадима становился все более тяжелым.

– Вот из-за этого все и вышло.

Повисла короткая пауза, которая показалась Оле вечностью.

– Я так понял, что ты беременна? Верно? – спросил Вадим, откладывая остатки бутерброда.

– Да, Вадик, я беременна, и беременна от тебя, как ты сам понимаешь.

Вадим резко встал с кресла. Второй раз в жизни у него случается такая история, второй раз в жизни от него беременеет женщина, которой он ничего не обещал и с которой не собирался связывать жизнь. Второй раз ему, кажется, предстоит выслушать что-то об ответственности и долге. Или еще какую-нибудь такую же чушь. И второй раз Вадима Краснова охватил панический страх. Страх потерять Лизу. Если у него родится ребенок на стороне, неизбежно когда-нибудь Лиза об этом узнает. Если Оля позволила мужу обо всем узнать... Да и кто ее знает, что у нее на уме: а может, она сама обо всем расскажет Лизе, чтобы увести его из семьи? Даже если и не сама... всегда найдутся какие-нибудь общие знакомые через пятых общих знакомых, всегда найдется кто-то досужий посудачить о чужих делах. А когда ребенок вырастет? Нет, скрывать от жены наличие постороннего ребенка не получится. Она все равно все узнает.

И тогда конец. Лиза не простит ему. Она гордая женщина, при этом вполне самостоятельная, она ни минуты с ним не останется, если узнает такое.

Вадима охватила паника.

– И что ты собираешься делать? – звенящим от напряжения голосом спросил он.

– Не знаю, Вадик, как скажешь. Не хотелось бы делать аборт, все-таки это моя первая беременность, – ответила Оля, но, взглянув на перекосившееся лицо Вадима, испугалась своих слов.

– Что значит «как скажешь»? – отчеканил он таким ледяным тоном, какого Оля ни разу не слышала. – Почему я вообще должен что-то говорить? Почему я должен искать выход из ситуации, в которую попала, извините, замужняя женщина? Ты состоишь в законном браке, и о том, что тебе делать с этой беременностью, советуйся, пожалуйста, со своим мужем. Я не знаю, что там у вас произошло и почему вы поссорились, я не знаю, почему он тебя выселил из дома и в какой любовной связи он тебя уличил. Я ничего об этом не знаю! У тебя есть муж, обсуждай эти вопросы с ним.

Оля была в ужасе, она могла ожидать всего, чего угодно, но только не этого ледяного тона, официальных формулировок, этого чужого, отрешенного взгляда. Ведь только несколько минут назад они занимались любовью...

– Вадик, постой, ты что, сомневаешься, что это твой ребенок? Ты же знаешь, как я люблю тебя, ты что, Вадик? – Оля была в таком ужасе, что воздух почти не проходил в легкие.

– Да почему я вообще должен в чем-то сомневаться?! – Вадим перешел на крик. – Сомнения – это вопрос твоего мужа, еще раз повторяю. У меня есть семья, тебе было известно об этом, и я никогда не говорил тебе о том, что мне эта семья безразлична.

– Вадик, – прервала его Ольга, – я же не требую, чтобы ты уходил из семьи...

Она не успела договорить, потому что он прервал ее и металлическим голосом, глядя ей прямо в глаза чуть не с ненавистью, произнес:

– Не требуешь? Спасибо. Что ты вообще имеешь право от меня требовать? Мы встречались, занимались сексом, когда нам этого хотелось, это был мой выбор, но это был и твой выбор. Я не дал тебе ни малейшего повода думать о чем-то большем. Ты взрослый человек, опытная женщина, ты сама оказалась не способна к контролю над собой. Я вообще не понимаю, о чем мы говорим.

– Так что же мне теперь делать? – дрожащим голосом спросила Ольга.

Вадим почувствовал, что через секунду у нее начнется истерика, и предпочел уйти до того, как это произойдет.

– Ольга, извини, что приходится повторять еще раз, но ты состоишь в законном браке, а для замужней женщины лучший советчик – ее законный супруг. Прости.

Он резко вышел из комнаты, но перед входной дверью задержался, обернулся, чтобы бросить последнее:

– Я надеюсь, у тебя хватит чувства собственного достоинства, чтобы не искать больше встреч со мной и не заставлять меня менять номер мобильного телефона.

После этого дверь захлопнулась.

Оля смотрела перед собой и ничего не видела, вдруг ее скрутил невероятной силы спазм, она все равно не успела бы добежать до ванной, она упала, и ее начало рвать прямо на пол комнаты.

Так она пролежала до темноты. Ее взгляд был устремлен в самое сердце того мрака, той пустоты, которая теперь ее окружала. Нет семьи, нет любви, из-за которой эта семья рухнула. Нет смысла жить дальше. Есть только соблазнительный девятый этаж, на который она сейчас поднимется...

Оля встала, открыла входную дверь, сделала несколько шагов и нажала на кнопку лифта. Но потом передумала.

Дом был довольно старый, построенный таким образом, что подниматься вверх и спускаться вниз можно было как на лифте, так и по наружной лестнице, опоясывающей все здание. Ею, конечно же, пользовались в редких случаях. Только когда не работал лифт. Как хорошо, что есть эта лестница, думала Ольга о ней как о живом существе, единственный ее друг, единственный помощник, единственный, кто может спасти ее от навалившего ужаса и одиночества. Она вышла на металлическую лестницу, собираясь подняться на самую верхнюю ее площадку, перебраться через перила и прыгнуть оттуда вниз, глубоко вдохнула свежий воздух, который в их городе только и можно вдохнуть на такой высоте, посмотрела в черное небо, мерцающее холодными яркими звездами. Еще минута, и ее мучения кончатся. Еще минута, и ее душа затеряется между этих прекрасных далеких светил. И в том мире, в котором она окажется, уже не будет места страданию...

В этот миг ее живот пронзила резкая боль. Ольга скрючилась, обхватив себя руками. Через несколько секунд приступ повторился. «Что это еще такое?» – подумала она, чувствуя сильнейшее раздражение от того, что проклятая боль помешала ей сделать решающий шаг, который отделял ее от мира спокойствия и тишины. «Наверное, это из-за беременности... Из-за... Боже мой, что я делаю? Господи, прости меня, глупую дуру!» Оля зарыдала громко и отчаянно. Но ее слезы были не об ушедшем подлеце Вадиме и даже не о потерянной семье. Она обхватила свой еще не успевший округлиться живот обеими руками. «Господи, что же я, дура, делаю? Прости меня, Господи, ведь я его чуть не убила!» В слезах она побежала вниз по лестнице, пока не влетела в спасительное тепло своей квартиры. «Я не одна, – повторяла она, плача и гладя себя по животу, – я не одна. Вот ты родишься, и нас будет двое. И мы будем жить».

Глава 5

Леонид Вешняков шел к мэрской должности уверенным шагом, карьеру делал поступательную, двигаясь вверх, не взлетая резко (такие взлеты часто чреваты болезненными падениями), а поднимаясь логично и продуманно. В первые годы перестройки, будучи молодым главным редактором областной комсомольской газеты, он предпринял попытку баллотироваться в муниципальный совет и получил отличный результат. Газету он передал своему заместителю и другу, полностью сосредоточившись на политической карьере. А она развивалась четко в соответствии с его планом: несколько лет он носил значок городского депутата, а затем сменил его на значок депутата областного парламента. В областной думе он уже не просто имел постоянный комитет, а являлся заместителем председателя и возглавлял влиятельную думскую фракцию. Следующим шагом должно было стать кресло градоначальника. Выборы предстояли сложные, борьба обещала быть беспощадной, жесткой и даже грязной.

Леонид Вешняков знал свои сильные стороны. У него был огромный опыт прямой и подкованной политической борьбы, он знал всю (в том числе и черную) технологию предвыборного процесса, за ним была поддержка сильной партии, он имел высокую узнаваемость среди избирателей, не был замешан ни в одном громком скандале, потому что умел дружить с прессой. Он имел все шансы на победу. Только одно было у него слабое место: он не имел своих денег. То есть средства-то у него были, и немалые, но кто же тратит на выборы свои деньги?

Эдуарда Грача Леонид Вешняков знал лет двадцать, они не были близкими друзьями, но периодически их интересы пересекались, Эдуард подкидывал приятелю деньги на выборы, Вешняков помогал бизнесмену подписывать необходимые бумаги, сводил с нужными чиновниками.

Но одно дело подкинуть денег на выборы в городскую или областную думу, и совсем другое – вложить финансы в мэрский марафон. Это совершенно другой уровень вложений и совершенно другой риск.

Потому, когда Леня Вешняков обращался за помощью к своему хорошему знакомому Эдику Грачу с просьбой профинансировать его предвыборную кампанию, он прекрасно понимал, какое важное решение тому придется принимать.

Эдуард принял его не сразу, несколько дней советовался с доверенными лицами, проводил консультации с целью более четкой прорисовки политической ситуации, обсуждал тему с партнерами. В принципе получалось, что ставить на Вешнякова можно. Предвыборная кампания проходила еще более жестко, чем прогнозировали аналитики, политтехнологи и журналисты. Это был марафон, в котором должны победить не личности, а деньги и крепкие нервы.

Эдуард Грач вложил в выборы мэра города очень много средств, связей, ресурсов, рабочего и личного времени. И считал, что вправе рассчитывать на адекватную отдачу впоследствии.

После победы можно будет сосредоточиться на новых делах, которые требовали его присутствия в столице, а всю документальную работу по реализации городского проекта застройки Северо-Восточного микрорайона города он может спокойно переложить на Вадима Краснова. Вадик займет кресло вице-мэра и все, что нужно решать на месте, будет решать сам.

Леонид Вешняков не любил чувствовать себя кому-то обязанным, потому его очень устраивало, что условия, на которых Эдуард согласился участвовать сам и привлечь партнеров к финансированию его предвыборной кампании, были оговорены заранее. Город активно развивался в северо-восточном направлении, там уже возводились жилые дома, но до того, чтобы стать удобным спальным районом, ему еще было далеко, инфраструктура в микрорайоне практически отсутствовала. У холдинга «Высота» имелся разработанный проект, предусматривавший не только строительство жилых домов, но и возведение гипермаркета, даже, скорее, торгового городка, кроме того, «Высота» выиграла муниципальный конкурс на возведение новой школы и поликлиники, а также федеральный – на строительство нового здания районного суда. Работа предстояла огромная, в том числе чисто бюрократическая, документальная. Поскольку земли Северо-Восточного района были ранее под разной юрисдикцией, некоторые документы требовали обязательного утверждения в городской думе.

Вадим Краснов понимал, какая работа ему предстоит, и был полностью к ней готов.

За месяцы, прошедшие с момента выборов и утверждения его в новой должности, он успел значительно продвинуться. И дальше только наращивал бы темп, если бы... Если бы был жив.

С того момента, когда мэру сообщили ужасную новость о гибели Вадима Краснова, он не находил себе места. Он почти не спал ночами, если и засыпал, то просыпался в поту и выходил курить. Потом долго не мог сомкнуть глаз и забывался тяжелым сном только под утро. А вставать приходилось рано. Он, завзятый гурман, потерял интерес к пище, как ресторанной, так и домашней, и ел только то, что буквально заставляла съесть жена. Он стал пить больше обычного, пытаясь заглушить сначала чувство тревоги, а потом – при более тщательном обдумывании ситуации – все нарастающий страх.

Неприятная история началась почти два года назад, когда Вешняков еще был заместителем председателя областной думы. У Лени всегда было очень много знакомых, которые считали его человеком, который может решить любой вопрос. Обширные связи простирались и на представителей правоохранительных структур, в том числе и бывших представителей. Николая Босого он знал с незапамятных времен, когда тот был еще обычным опером в ОБХСС. Коля был ментом хватким, цепким, хитрым, любил сложные многоходовые операции. Постепенно он дорос до начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Он ушел со службы буквально перед самой ликвидацией РУБОПа, и тогда ходили слухи о том, что Колю попросили уйти, потому что его поймали на неформальных контактах с представителями криминальных структур.

Как-то раз Босой позвонил Вешнякову на мобильный и пробасил:

– Привет, старик, есть разговор серьезный, надо бы встретиться.

– Здорово, – доброжелательным голосом откликнулся Леонид, – хочешь, приезжай ко мне, я буду в думе еще часа два.

– Ну уж нет, Лен, в вашем здании только такие разговоры вести... Себе дороже будет, – усмехнулся бывший мент. – Надо бы на нейтральной территории.

Они договорились завтра вместе пообедать в одном укромном местечке на выезде из города, где жарят прекрасные шашлыки и овощи на мангале. Договорились и о том, что оба будут с водителями, чтобы можно было выпить по рюмке под жареное мясо.

Хотя в заведении почти никого не было, мужчины выбрали самый дальний столик, попросили бутылку «Абсолюта», минералки и две порции бараньего шашлыка с жареными овощами.

– Водку принесешь вместе с мясом, – сразу предупредил официантку Коля, – нам сначала поговорить надо.

Когда они расположились, Коля сразу перешел к делу.

– Собственно, разговор-то у нас короткий, – начал Босой, – я тебе тему обрисовываю, а все детали, всю кухню ты сам знаешь лучше меня. Короче, тема – гостиница «Полет». У меня есть люди, мои клиенты, которые готовы платить хорошие деньги. Вот, собственно, и весь разговор.

Конечно, Леня понимал, о чем речь. Между городом и областью существовали свои сложные межбюджетные отношения, и городские власти периодически брали кредиты у областного правительства под гарантии муниципального имущества. Перечни залогового имущества формировались в основном из зданий, в которых расположены суды, районные отделения милиции, подразделения администрации и так далее. Ценные в коммерческом плане объекты редко оказывались под залогом. Но все же оказывались.

Гостиничный комплекс был расположен в самом центре города и включал в себя непосредственно само высотное здание гостиницы, в нижних этажах которой находились самый популярный в городе ночной клуб, бутики, салоны красоты и множество прочих заведений, а также несколько пристроенных к нему помещений, в которых располагались рестораны, кафе, магазины. И участок, принадлежавший «Полету», был освоен не полностью: там при экономном использовании земли еще можно было строить. По закону надо было выставить право аренды на открытые торги. Но кому они были нужны? Вопрос с «Полетом» уже долго оставался открытым, вокруг крутились возможные претенденты, можно было догадываться о том, что ведется негласное тайное торжище. Предложение Коли было более чем понятно, процедура – это лишь дело техники.

– Что за люди у тебя? – в первую очередь поинтересовался Леня.

– Это люди не наши, не городские, – уклончиво ответил собеседник, – они у нас недавно, примеряются пока. Денег много, вкладывают в разных регионах.

– Не бандиты? – насторожился Вешняков.

– Да ну, что ты, – только отмахнулся Николай, – обычные коммерсы. Я их, конечно, не с пеленок знаю, но это не бандитствующая публика, нет, таких я вижу сразу, у меня глаз наметанный.

– Ну, давай, что ли, попробуем, – немного помедлив, ответил Вешняков. – Вопрос непростой, желающих там много, надо будет убеждать. Ну а какой самый лучший аргумент убеждения, я думаю, ты сам понимаешь.

– Ясное дело, – облегченно вздохнул бывший борец с экономическими преступлениями, – я же сказал, у них денег много, они хорошо заплатят. Мне сейчас нужно было получить твое принципиальное согласие, чтобы понимать, кто будет заниматься темой: ты или кого-то другого надо искать. Хорошо, если не придется.

После этого они с большим удовольствием принялись за баранину, запили ее ледяным «Абсолютом» и, довольные встречей, разъехались каждый по своим делам.

Дальнейшие разговоры о «Полете» были уже более предметными. Когда разговор вошел в правовое русло, появился, наконец, представитель заинтересованной фирмы – мужчина лет примерно тридцати трех, явно не славянской наружности. Но определить, кто он по национальности, на глаз и на слух было трудно: говорил по-русски он чисто, без малейшего акцента, а смугловатая кожа, черные блестящие глаза и смоляные волосы могли принадлежать и кавказцу, и греку, и турку, и кому угодно еще. Вешняков в этнических признаках не очень разбирался. Но чистая, правильная речь, безупречные манеры мужчины немного ослабили состояние тревоги, которое возникало у него всегда, когда он имел дело с выходцами с Востока. На визитной карточке было указано, что человек, с которым пришел Николай, имеет имя Александр, а фамилию – Фарад и является исполнительным директором закрытого акционерного общества «Энкур». В первые же три минуты разговора стало понятно, что никакой он не директор, а лишь юрист, уполномоченный вести переговоры, а директором его называли для того, чтобы не возникало вопросов об истинных хозяевах таинственной фирмы «Энкур». «И название-то какое... – подумал Леня, всегда потешавшийся над разными там заковыристыми придумками коммерсантов, – интересно, какое оно имеет значение».

Когда все свои пожелания вежливый Александр озвучил и даже передал Леониду Михайловичу листок с теми же тезисами, изложенными в письменной форме, Вешняков, унимая тревогу, попробовал как-то расставить все по полочкам. Люди, по всей видимости, серьезные, не торгуются, не пытаются сбить цену, так какая, в конце концов, разница, кто они такие? Стиль ведения дел явно не бандюковский, юрист у них по-русски говорит лучше наших и хорошо ориентируется не только в федеральных, но и в областных законах, и даже в местных думских постановлениях. Значит, готовились серьезно. Кто такие, правда, не поймешь, и зачем туман напускать, тоже не ясно, но ведь у каждого свой стиль.

«И все же кто такие, – думал Леонид, – интересно же? Не армяне, не азербайджанцы, не чеченцы... Может, правда турки? Какое же значение имеет слово «Энкур»? Или это имя?» Придя домой, Леонид нашел в Интернете значение этого слова: оказалось, что Энкур – это сын одного из трех главных шумерских богов – Энлиля, покровителя плодородия и жизненных сил, одновременно обладающего способностью насыщать различные страшные стихийные бедствия. Изображался Энкур в виде коварного и злобного существа. Значит, в честь сына шумерского бога вы называли свою фирму, господи? Интересно.

Вешняков поговорил с чиновником, от которого зависела подготовка и решение дальнейшей судьбы комплекса, обсудил с ним деликатную часть вопроса. Сумма была названа большая, но предназначалась она, конечно, не одному человеку. Вешняков встретился с Босым и через два дня получил «дипломат» с первой частью оговоренной суммы. Машина закрутилась, дело начало приобретать уже более реальные формы, ожидание результата не обещало стать очень долгим. А потом наступил день, события которого повергли Леню в шок. Это был день, когда президент освободил от должности губернатора области в связи с его заявлением об уходе по состоянию здоровья. Разговоры о предполагаемой отставке, о смене власти в регионе велись уже давно, настолько давно, что стали привычными и никого особо не волновали. Губернатор сидел в своем кресле уже не первый срок и отличался умением даже в самый острый момент находить способы удержаться на посту.

Такого поворота событий Вешняков не ожидал. Вопрос с губернатором, который муссировался на протяжении длительного времени, вдруг решился в одну минуту. Наверное, наверху решение было принято не в один момент, а после тщательного обдумывания, но в местную среду никакой информации об этом не просочилось. Первые дни после сенсационного ухода главы региона город буквально стоял на ушах. Назначили исполняющего обязанности губер-

натора, человека высокого столичного уровня, очень серьезного, и вскоре должно было состояться его утверждение в областной думе.

В первые же недели стало ясно, что старая команда уйдет почти в полном составе. Началось формирование новой областной власти. Старые схемы и проекты были заморожены. О гостиничном комплексе «Полет» пока речь не шла, в области имелись проблемы и посерьезнее, но было ясно, что о планах по «Полету» фирма «Энкур» может забыть.

Вешняков понимал, что рано или поздно Босой появится и нужно будет как-то с ним объясняться и что-то решать. Ту часть денег, которая предназначалась за посредничество самому Вешнякову, еще можно было вернуть, но что делать с той суммой, которую он успел передать руководителю департамента по имуществу? Сразу же после назначения нового руководителя в департаменте, как и обещал губернатор, началась глобальная проверка, к предшественникам возник ряд серьезных вопросов. Бывший руководитель департамента отбыл в длительный заграничный отпуск, откуда возвращаться в родные пенаты не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.